

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

Rukopisi ob"ediniaiushchie vostok i zapad: M.A. Usmanov i zadachi vostokovedeniia

Kemper, M.

Publication date

2015

Document Version

Final published version

Published in

Tiurko-musul'manskii mir: identichnost', nasledie i perspektivy izucheniia

License

Article 25fa Dutch Copyright Act

[Link to publication](#)

Citation for published version (APA):

Kemper, M. (2015). Rukopisi ob"ediniaiushchie vostok i zapad: M.A. Usmanov i zadachi vostokovedeniia. In D. M. Usmanova, D. A. Mustafina, & M. Kemper (Eds.), *Tiurko-musul'manskii mir: identichnost', nasledie i perspektivy izucheniia: Sbornik statei* (pp. 7-28). Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.

General rights

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

Disclaimer/Complaints regulations

If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: <https://uba.uva.nl/en/contact>, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, Singel 425, 1012 WP Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт международных отношений, истории и востоковедения
Кафедра истории России и стран ближнего зарубежья
Кафедра татароведения и тюркологии

*К 80-летию профессора
М.А. Усманова*

**ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР:
ИДЕНТИЧНОСТЬ, НАСЛЕДИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Сборник статей

КАЗАНЬ
2015

УДК 930.85:94(470)
ББК 63.3(0)
T98

Составители и научные редакторы:
Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, М. Кемпер

T98 **Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения.** (К 80-летию профессора М.А. Усманова): сб. статей / сост. и науч. редакторы: Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, М. Кемпер. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 428 с.

ISBN 978-5-00019-487-4

Сборник «Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения» объединил статьи участников Международной конференции «Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения», проходившей в Казанском федеральном университете в мае 2014 года. В работах, собранных в четыре тематических раздела, рассматривается феномен исламского наследия в истории и культуре тюрко-татарского мира России. Издание может быть рекомендовано исследователям, занимающимся историей и культурой народов Евразии, исповедующих ислам.

УДК 930.85:94(470)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00019-487-4

© Усманова Д.М., Мустафина Д.А.,
Кемпер М., составление, 2015
© Издательство Казанского университета, 2015

Миркасыйм ага, сагынам сине...

*Гөлжадан килсәк, һәрчак каршы алдың,
Уз итеп безне, хәлләр сораптың.
Мәшәкәтләрәң онытып торып,
шәярттың-көлдәң.
Дөнъялыктагы безнең уңышка
ихлас сөендәң.*

*Үзең тырышып зур белем алдың,
Халкыңның олуг галиме булдың.
Гомерлек эшең – тарихны барлау,
Изге хыялың – милләтне саклау.*

*Мактанычы син татар халкының,
Горурлыгы син барсы-барсының.
Сүз-фикерәң калды китаплар булып,
Исемең саклана күңелдә уелып.*

*Синең вафатың кайгыга салды.
Борчулы уйлар уратып алды:
Югалттык кемне? Вафаты кемнең?
Онытмас сине тарихчыл һәркем.*

*Якты эзләрәң тарихта калсын,
Бөек эшләрәң алга юл ярсын!
Милләт онытмас һичкайчан сине.
Миркасыйм абый, сагынам сине.*

*Гыйззәтулла Әнвәр улы Хәсән куен дәфтәреннән,
Уфа, 2010 елның октябрь ае*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом сборнике представлены статьи, написанные на основе докладов, прозвучавших на международной научной конференции «Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения», посвященной 80-летию М.А. Усманова (1934–2010) и 50-летию Археографической экспедиции КФУ (1963–2013). Тридцать пять статей, лишь отчасти отражающих многогранность личности ученого и чрезвычайно широкую палитру его научных изысканий в области источниковедения и восточной археографии, средневековой и новой истории государств и народов исламской Евразии, истории татарской литературы и фольклора, историко-биографического жанра и пр., исходя из тематического принципа, отнесены к четырем разделам.

В первый раздел включены материалы, характеризующие личность и научные интересы академика М.А. Усманова. Авторы акцентировали внимание на вкладе ученого в развитие отечественного востоковедения (М. Кемпер, Р. Почекаев), многогранности его археографической деятельности, включавшей поиск, собирательство и изучение выявленных новых рукописных материалов (Д. Усманова, Д. Мустафина); участия в процессе становления региональной энциклопедистики (Г. Сабирзянов, Р. Шайдуллин) и развитии татарского литературоведения (Р. Исламов). В этом же разделе приведены два уникальных материала, вышедших «из-под пера» самого М.А. Усманова, относящиеся к сфере татарской археографии: дневник первой Археографической экспедиции 1963 г. и отчет, сделанный по итогам АЭ НБЛ КГУ 1968–1970 гг., перед членами Ученого совета Исторического факультета Казанского университета. Составители сборника посчитали также возможным привести свидетельство современника – письмо татарского поэта Сибгата Хакима Миркасому Абдулахатовичу Усманову, написанное в 1985 г. под впечатлением от прочитанного им сочинения «Каурый каләм эзеннән...» («По следам рукописей...»). Оригиналы текстов этого и других дневников Усманова и письмо классика татарской литературы С. Хакима хранятся в личном архиве ученого и ранее не публиковались (за исключением дневника, появившегося в прошлом году в журнале «Безнең мирас»).

Ко второму разделу отнесены статьи, посвященные различным аспектам восточной археографии и книжной традиции. В ряде статей анализируется процесс сбора восточных рукописей, характер и специфика археографо-выявительской работы среди населения (В. Бобровников, З. Миннуллин); в других отражена работа с собранными восточными рукописями, и показано, какие бесценные сокровища мусульманского духовного наследия порой таят в себе рукописи (А. Арсланова); анализируется информационный потенциал известных литературных памятников прошлых эпох (Э. Сайфетдинова, Ф. Калимуллина, А. Сибгатуллина). Объектом внимания

двух статей (Г. Оразаева и Г. Мишкинине) являются традиции публикации и изучения восточных материалов в таких существенно отличающихся друг от друга регионах, как Дагестан и Литва. Обе публикации объединены общей темой – циркуляция книжной продукции в контексте проблемы научной коммуникации на постсоветском пространстве.

В третий раздел сборника включены материалы, казалось бы тематически и хронологически существенно различающиеся: в них освещены события, разворачивавшиеся в XIII–XVI вв. Однако все они обращены к теме исламского наследия в истории Золотой Орды и государств-правопреемниц. В предлагаемых вниманию читателей статьях рассматриваются сюжеты, связанные с ранней историей монгольских завоеваний и судьбами народов, населявших Евразию и оказавшихся в ареале этих грандиозных геополитических перемен (И. Фодор, И. Измайлов); раскрываются этнополитические и этнорелигиозные аспекты средневековой истории народов, исповедующих ислам (Р. Сафаров, О. Лушников); анализируются труды и взгляды средневековых богословов и мыслителей (Д. Зайнуллинов, И. Миргалеев); раскрываются некоторые аспекты бытования городского населения золотоордынской и последующих эпох (М. Крамаровский, Л. Недашковский, А. Хорошкевич).

В последнем разделе представлено девять статей, имеющих отношение к истории российских мусульман нового времени. В их числе можно отметить работы источниковедческого характера (М. Фархшатов, Э. Салахова); статьи, посвященные отдельным историческим персонажам, оставившим яркий след в истории российских мусульман (К. Ахсанов, И. Загидуллин, И. Тюркоглу); направленные на переосмысление роли тюрко-татар в Первой мировой войне и революционном движении (И. Гилязов, К. Ноак). Две статьи (Р. Сафиуллиной и Р. Вильдановой) посвящены такой важной и чрезвычайно актуальной в настоящее время проблеме, как историческая память и обращение к мусульманскому культурному наследию на современном этапе развития российского общества.

В приложении к основным разделам даны резюме всех статей на русском, английском и татарском языках, а также представлен краткий обзор работы международной конференции, посвященной памяти ученого и состоявшейся в мае прошлого года в его любимой альма-матер – Казанском университете. Составители сборника полагают, что предлагаемая работа станет скромным выражением уважения к Миркасыму Абдулахатовичу Усманову и возданием почести его наследию, которое стало частью отечественной и всемирной истории, данью учеников, коллег и друзей его памяти.

*Дилра Усманова,
Дина Мустафина,
Михаэль Кемпер*

Раздел 1
ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ:
НАУЧНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ
М.А. УСМАНОВА

РУКОПИСИ, ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ ВОСТОК И ЗАПАД:
М.А. УСМАНОВ И ЗАДАЧИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Михаэль Кемпер

Амстердамский университет, Амстердам

Имя Миркасима Абдулахатовича Усманова (1934–2010) ассоциируется, прежде всего, с рядом ключевых работ, которые оказали и продолжают оказывать огромное влияние на татарскую историческую науку¹. В серии монографий М.А. Усманов словно совершил турне по наиболее важным этапам татарской истории. Свое научное путешествие он начал с анализа татарских письменных исторических источников XVII–XVIII вв. (1972 г.): эта работа, как и более ранняя статья 1969 г., исследует деятельность Шигабетдина Марджани как историка. Затем М.А. Усманов обратился к документам эпохи Золотой Орды (1979); следующей его остановкой стали свидетельства периода восстания Е. Пугачева (1988) [Усманов 1969, с. 144–154; Усманов 1972; Усманов 1979; Усманов 1988]². В более поздних своих книгах, большей частью написанных на татарском языке, он рассматривал татарскую историю с позиции специалиста по выявлению, собиранию и изучению рукописей и исторических документов [Усманов 1984, 1994; Усманов, 2004]. Примечательно, что для популяризации татарской истории М.А. Усманов иногда использовал в качестве формы повествования жанр исторической новеллы (рассказа) [Усманов, 1980]. В последние годы жизни М.А. Усманов был занят изучением творчества татарских мыслителей позднеимперского и раннесоветского периода. Результаты его исследований и анализа были опубликованы в известной серии книг «Шәхесләребез» («Наши выдающи-

---

¹ Авторизованный перевод статьи с английского на русский Д. Усмановой. Я благодарю Диляру Усманову за ценную дополнительную информацию и за важные замечания, сделанные в ходе работы над статьей, Гульназ Сибгатуллину за стилистическую корректуру перевода статьи.

² Более полный список публикаций М.А. Усманова за период вплоть до 2004 г. представлен в библиографическом указателе: [Усманов, 2004].

еся личности»). Эта серия включает в себя более двадцати сборников, выполненных в соответствии с высокими академическими стандартами. Строгий академизм и исключительная глубина анализа – это те черты, которые характеризуют работы М.А. Усманова с самого начала его научной карьеры. Говоря словами одного нашего общего коллеги, М.А. Усманову была присуща «яростная объективность»: *«Да, он, как и многие люди того времени (периода перестройки и 1990-х гг. – М.К.), опровергал глупые советские догмы, но он никогда не шел в противоположную сторону, не примыкал к радикальным течениям тюрко-татарской националистической историографии. Он всегда оставался истинным ученым: любознательным, компетентным и усердным, и в высшей степени гуманистом – порядочным и вдумчивым»*¹.

Ряд программ, запущенных под руководством М.А. Усманова, оказали серьезное влияние на становление татарской науки. Первым проектом такого рода стало проведение регулярных археографических экспедиций по всей России с целью сбора среди татарского населения восточных рукописей и старопечатных изданий [Усманова, 2014, с. 465–481]. Эти экспедиции обеспечили Научную библиотеку им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (НБЛ КГУ) рукописными материалами, которые существенно обогатили великолепное собрание восточной литературы университета. Другим не менее важным достижением в университетской карьере М.А. Усманова можно считать возрождение в КГУ востоковедения. Многолетние усилия ученого увенчались успехом лишь в 1989 г. с созданием Факультета татарской истории, литературы и восточных языков, в рамках которого было возобновлено преподавание востоковедения.

В своей статье я намерен, во-первых, рассмотреть, каким образом эти два устремления – возвращение рукописного наследия татар и восстановление востоковедения в Казани – были связаны друг с другом и с собственными научными интересами М.А. Усманова. Вторая часть статьи посвящена непосредственному исследованию обстоятельств, в которых происходило возрождение казанской школы востоковедения. Преследуя эту цель, я сначала даю обзор тех тенденций, которые присутствовали в советском востоковедении в послевоенный период. Учитывая тот факт, что в это время многие на Западе критиковали востоковедение как устаревшую «зонтичную» дисциплину с глубокими корнями в западном колониализме, попытаюсь ответить на вопрос, что руководило М.А. Усмановым в его попытках восстановления научной школы. Наконец, следует доказать, что концепция востоковедения М.А. Усманова и его персональные научные интересы в этой области неразделимо связаны с другой важной чертой его научного характе-

---

¹ Из личной переписки автора с Михаилом Ходарковским (20.02.2015).

ра: стремлением установить широкие международные контакты с учеными из различных научных сфер и дисциплин – не только в пределах Советского Союза, но и включая такие страны, как Турция, Венгрия, Германия и Соединенные Штаты. Выход татарских ученых из состояния советского изоляционизма реализовался в период перестройки в серии международных научных программ, в которых М.А. Усманов играл лидирующую роль.

Ориенталистика и восточные рукописи как инструмент татарской историографии советского периода

Хорошо известно, что в первой половине XIX столетия Казань была главным центром ориенталистики в Российской империи. Серьезным ударом по сильным научным традициям исследований в области истории, рукописного наследия, языкознания и литературы стало перемещение в 1854 г. целого восточного департамента Казанского университета в Санкт-Петербург [Schimmelpenninck van der Oye, 2010]¹. Некоторые ученые-востоковеды продолжили работать в университете (как, например, Иосиф Готвальд, 1813–1897), но практически все казанское востоковедение теперь было связано с деятельностью Духовной семинарии (академии). Изучение ислама стало инструментом, или побочным продуктом, полемических и миссионерских исследований, преследующих цель усилить православную веру среди крещенных татар. После революции 1917 г. этому миссионерскому востоковедению, естественно, был положен конец (хотя, как показал Владимир Бобровников, методы и стратегии работников Духовной семинарии были восприняты «миссионерствующими» учеными-большевиками [Bobrovnikov, 2011, p. 76–77]). Однако академическое востоковедение так и не вернулось в Казань. С 1940-х гг. союзные республики (Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Грузия, Армения и Украина) получили собственные Институты востоковедения, но Татарстан и другие автономные республики со значительным мусульманским населением в составе РСФСР (включая Дагестан) остались без академических центров, задачей которых были бы исключительно работа с восточными рукописями и проведение исследований в области востоковедения.

Безусловно, в тот период востоковедение получило определенное развитие в рамках других исследовательских институтов. Так в Дагестане, в Институте истории, этнографии и археологии Дагестанского филиала АН СССР, в 1963 г. была создана исследовательская группа для изучения огромного наследия дагестанской арабографической (арабоязычной) литературы

---

¹ О досоветском периоде в истории казанского востоковедения подробнее: [Валеев, 1998].

[Kemper, 2014, p. 390–404]; также в Казахстане ориенталистика продолжала существовать на базе исторического института. Однако в Татарской АССР все исследования (как в университете, так и в академических институтах) были сфокусированы лишь на изучении татарских исторических источников, тогда как обширное наследие арабской и персидской литературной традиции среди татар оставалось малоизученным.

Даже когда десталинизация допустила появление новой, отличной от жесткого антиисламского канона 1930–1940-х гг. интерпретации татарского культурного наследия, татарские историки не имели возможности обратиться непосредственно к местным материалам на арабском и персидском языках. В XIX в. арабский был не только главным языком теологии и работ по исламскому праву: некоторые выдающиеся исторические работы в дореволюционный период также были написаны на этом языке. Кроме того, он выступал в качестве главного языка коммуникации с другими частями мусульманского мира, включая Дагестан (где джадиды, даже в раннесоветский период, использовали арабский язык для прессы и большей части образовательной литературы [Наврузов, 2012], и, естественно, Ближний Восток. Отсутствие преподавания арабского языка в Казанском университете в советское время имело два последствия, и оба, возможно, не были так уж нежелательны для советского режима: во-первых, такое положение дел практически естественно исключало распространение религиозной мусульманской литературы как части татарского литературного наследия среди молодого поколения; таким образом было сформировано представление, что татары были абсолютно секуляризированы еще до 1917 г. и что атеистическое образование имело большой успех. Во-вторых, отсутствие внимания к арабскому языку существенно ограничивало изучение исторических контактов татар Волго-Уральского региона с внешним исламским миром. Эти тенденции ограничивали татарскую историографию рамками небольшой территории, отведенной Советами для ТАССР.

Впервые приехав в Казань в 1992-ом г. с целью изучения местной исламской литературы XIX столетия, я нашел в НБЛ КГУ богатейшую коллекцию арабских рукописей и печатных изданий, с которыми никто не работал в течение многих десятилетий. Исследователи татарской истории и литературы были хорошо знакомы с татароязычными произведениями начала XIX столетия (правда анализ проводился часто с марксистских позиций). Однако, за исключением двух-трех молодых ученых, которые владели арабским языком (Нурия Гараева, Айдар Юзеев), и конечно, Анаса Бакиевича Халидова, работавшего в далеком Ленинграде, практически никто всерьез не занимался текстами, написанными татарами на арабском языке. Исламоведение, как научная область, где требуются знания арабского и персид-

ского языков, отсутствовало полностью. Сегодня мы знаем, что в то время было несколько татарских ученых старшего поколения, которые, благодаря образованию, полученному в медресе, могли работать с арабскими и персидскими рукописями. Одной из них была Зайнап Максудова, которая сохранила собственную коллекцию рукописей и изредка оказывала помощь другим ученым в работе с текстами [Бустанов, 2014]. Следует также назвать библиотекаря ОРК НБЛ КГУ Альберта Фатхиева [Ахунов, 1999, с. 77–78; Госманов, 2007, с. 149–150; Фэтхи, 2007], оставившего нам небольшие описания не только татароязычных, но и арабоязычных рукописей из собрания университетской библиотеки [Фэтхи, 1962, 1968]. Однако и А.С. Фатхиев, и З. Максудова были библиофилами-энтузиастами, никто из них не имел ни амбиций, ни возможности опубликовать свои академические исследования или передать знания и навыки последующим поколениям.

На фоне этой довольно мрачной картины усилия М.А. Усманова заслуживают особого признания. Как историк-новатор, который отважился на работу в научных областях, которыми в Советском Татарстане пренебрегали по идеологическим причинам – исламская историография и история Золотой Орды – М.А. Усманов прекрасно осознавал необходимость расширения источниковой базы. Поэтому одним из его масштабных и длительных по времени проектов было собирание восточных рукописей в процессе регулярных экспедиций по татарским деревням не только в Татарстане, но и за его пределами. Эти экспедиции, во время которых М.А. Усманов также занимался подготовкой своих учеников (многие из которых сегодня являются видными учеными), имели решающее значение для восстановления, сохранения и комплексного изучения татарского культурного наследия. Традиция такого рода полевых исследований сохраняется и по сей день: аналогичные экспедиции (пусть и не в столь крупных масштабах, но с не меньшим энтузиазмом и усердием) проводит и продолжает совершать Марсель Ахметзянов из ИЯЛИ АН РТ [Әхмәтҗанов, 2005; Әхмәтҗанов, 2011]¹.

Растущие коллекции рукописей в ИЯЛИ и КГУ явились доказательством того, что арабский и персидский языки – ключевые элементы в изучении прошлого татарского народа. М.А. Усманов, который осознавал это с самого начала, приложил все усилия, чтобы возродить в Казанском университете отдел востоковедения с сильной школой преподавания восточных языков. Одна из последних работ М.А. Усманова, написанная в 2009/2010 гг., представляет со-

¹ Археографические экспедиции М. Ахметзянова позволили собрать большую коллекцию рукописей, которая в настоящее время находится в *Мирасханә* на территории Казанского Кремля. Научные и научно-популярные работы Ахметзянова посвящены изучению татарской генеалогии (*шәжәрә*), литературы и эпиграфики (надгробных надписей). Примеры работ из области археографии: [Әхмәтҗанов, 2012].

бой краткий обзор многократных попыток ученого осуществить задуманное [Usmanov, 2011, p. 169–202]. Эта работа поможет нам восстановить хронологию основных этапов возрождения востоковедения в КГУ в послевоенный период.¹

Первой серьезной попыткой в этом деле стало учреждение в КГУ в 1962 г. по инициативе ряда видных ученых (включая ректора КГУ М.Т. Нужина и историка Ш.Ф. Мухамедьярова) Общества археологии, истории и этнографии. Организованный в апреле 1962 г. первый съезд Общества собрал ученых не только из Татарии, но также и из других регионов РСФСР; среди присутствовавших был даже Лев Гумилев, пользовавшийся тогда неоднозначной репутацией. Несмотря на то, что съезд имел определенный успех в академической среде, некоторые партийные деятели не одобрили последующую публикацию *Трудов* Общества (1963). В итоге весь тираж *Трудов* был изъят и уничтожен [Usmanov, 2011, p. 177].

М.А. Усманов начал свое обучение в Казанском университете в 1958 г.; на учредительном конгрессе (1962) Общества археологии, истории и этнографии он присутствовал в качестве студента. В следующем 1963 г., он, поддерживаемый заведующим кафедрой истории СССР Шамилем Мухамедьяровым и заведующим кафедрой татарской литературы Хатипом Госманом (Х.У. Усманов), приступил к организации археографических экспедиций по татарским селам [Usmanov, 2011, p. 176–178; Госманов, 2014]. В то время М.А. Усманов уже работал над историческими хрониками, написанными на татарском языке. Для этого был важен доступ к различным копиям рукописей народной и частично религиозно-ориентированной исторической литературы. Другими словами, с самого начала своей научной карьеры М.А. Усманов в качестве вектора своих научных исследований выбрал поиск, сохранение и тщательное аналитическое изучение рукописей; он понимал, что возрождение традиционного востоковедения является необходимым условием для этого.

В первой половине 1970-х гг. ректор КГУ М.Т. Нужин предпринял другую попытку вдохнуть жизнь в казанскую ориенталистику: но в этот раз не посредством какой-либо «зонтичной» организации, а через создание специальной общеуниверситетской кафедры. М.А. Усманов принял непосредственное участие в данной инициативе и был привлечен к делу налаживания зарубежных связей, в частности с одним арабским университетом в Ливане. Однако этот проект не был осуществлен – как пишет сам Усманов, вследствие начала в Ливане гражданской войны (1975) [Usmanov, 2011, p. 178–179].

---

¹ Эта публикация увидела свет также на русском и турецком языках [Усманов, 2010 б, №№ 2–3; Usmanov, 2013].

Полоса безуспешных начинаний закончилась лишь в 1988 г., когда в КГУ была основана Научно-исследовательская Археографическая лаборатория под непосредственным руководством М.А. Усманова. Лаборатория должна была собирать, изучать и описывать дореволюционные рукописи, облегчая тем самым работу последующим исследователям. Таким образом, возрождение востоковедения теперь было непосредственно связано с тем фондом рукописей, который усилиями М.А. Усманова вырос в полноценный Отдел рукописей и редких книг НБЛ КГУ [Usmanov, 2011, p. 180–181]. Вскоре, в 1989 г., в университете было принято решение об открытии Факультета татарской филологии, истории и восточных языков (Татфак). В рамках факультета, наряду с кафедрами татарского языка, литературы и истории (последней заведовал М.А. Усманов), действовало подразделение восточных языков. Другими словами, востоковедение в университете начало развиваться именно так, как было задумано М.А. Усмановым: сначала в виде вспомогательной дисциплины для исследований, посвященных истории татар. Дальнейшее расширение областей знания было связано с преподавателями китайского языка, которые приехали в университет по приглашению в 1990 г. К сожалению, кризис времен Перестройки привел к сокращению штата Археографической лаборатории КГУ¹. Однако, когда финансовая ситуация относительно стабилизировалась, руководство университета в июне 1997 г. решило учредить полноценный Институт востоковедения (частично на основе Татфака). М.А. Усманов вновь стал движущей силой этого процесса [Usmanov, 2011, p. 180–182].

Что мы видим на этом примере? Возвращение академического востоковедения в Казань, прежде всего, было призвано обеспечить татарских историков языковой и методологической базой; поэтому в соответствии с этой стратегией, изучение восточных языков началось в рамках работы над рукописями. Следующим шагом стало включение этих дисциплин в институциональную структуру Татфака. В силу ограниченных возможностей, востоковедение не могло быть реализовано в качестве отдельной, полноценной дисциплины, поэтому на первых порах оно выступало в качестве вспомогательного звена татарской историографии и исследований татарской литературы. На втором этапе произошло включение в востоковедение преподавания тех восточных языков, которые уже в меньшей степени были связаны с татарской историографией. Так, выбор китайского языка не был мотивирован необходимостью прочтения китайских источников (например, при изучении истории монгольских завоеваний) – за такого рода узкоспециальными навыками лучше было ехать в Ленинград. Мы можем допустить, что

---

¹ См. также статью Д.А. Мустафиной в этом сборнике – прим. сост.

в некоторой степени выбор китайского языка был мотивирован осознанием стремительного роста китайской экономики и тем, что Татарстан, традиционно выполнявший роль моста в Восточной Европе, мог бы помочь России наладить культурные, дипломатические, а также экономические контакты с Китаем. Также определенную роль в этом выборе мог сыграть тот факт, что сам М.А. Усманов родился в Китае (точнее в г. Кульджа, в Восточном Туркестане), откуда его семья переселилась в Советский Казахстан лишь в 1955 г. Преподавание турецкого и арабского языков, естественно, могло быть в равной мере полезным для укрепления связей Татарстана с Ближним Востоком. Другими словами, казанское востоковедение переживало процесс трансформации: от вспомогательного рабочего инструментария для историков до важной составляющей других дисциплин, что имело большое значение для татарского общества в целом. На горизонте вырисовывались бесчисленные возможности международного сотрудничества (Татарстан в 1990-х гг. уже активно проводил относительно независимую от Москвы зарубежную экономическую политику). Востоковедение, при разумном управлении и продвижении, потенциально было способно окупить вложенные инвестиции за довольно короткий срок.

Востоковедение в советском контексте: эмансипация или колонизация?

Все это являлось довольно практичной мотивацией: если говорить упрощенно, восточные языки могли служить и историкам, и бизнесменам, что также поспособствовало бы преодолению советской изоляции. Но не являлось ли востоковедение (в его классической, продвигаемой М.А. Усмановым форме как всеохватывающая «зонтичная» дисциплина для изучения языков, культуры, литературы и обществ огромного региона от Марокко до Китая) уже тогда устаревшей концепцией? Не было ли востоковедение колониальной дисциплиной, созданной и поддерживаемой западными странами (в их числе и Россией) с целью изучения своих восточных колоний для более эффективного управления и контроля над ними? Не противоречило ли это страсти всей жизни М.А. Усманова: изучать историю татарского народа, освободить татарскую историческую науку от догм и ошибочных представлений, господствовавших в российской и советской историографиях?

В то время, когда М.А. Усманов активно продвигал идею развития в КГУ востоковедения, ученые на Западе полемизировали о сущности этой науки. Наибольший вклад в критику «ориентализма» внес египетский социолог Анвар Абдель-Малик (1963), который, как и многие другие ученые, критиковал востоковедение за его службу идеям западной гегемонии

и колониализма¹. К тому же, на фоне растущей специализации различных суб-дисциплин, «ориенталистика» уже была слишком широким и поэтому бессмысленным понятием. Как следствие, на 29-м Международном конгрессе ориенталистов в Париже в 1973 г. делегаты проголосовали за отказ от отжившего названия. Последующие конгрессы востоковедов должны были проходить как «Международный конгресс гуманитарных наук Азии и Северной Африки» («*Congrès International des Sciences Humaines en Asie et Afrique du Nord*»²). После публикации наиболее влиятельной работы Эдварда Саида «Ориентализм» (1978), востоковедение стало объектом жесточайшей критики; с того времени не только академическое сообщество, но также значительная часть широкой общественности Запада стали относиться к востоковедным наукам как к оплоту «ориентализма», продукту глубоко укоренившегося колониального сознания (или, словами Э. Саида, «формации»), пронизывающего насквозь все тексты западных авторов о Востоке. Впоследствии было предпринято множество попыток – с разной степенью успеха – интегрировать историографию, посвященную Востоку, в контекст глобальной истории; цель была очевидна – перестать видеть Восток как что-то экзотичное, «другое».

В Советском Союзе, наоборот, востоковедение сохранило свой статус и оставалось значимой дисциплиной до конца советского периода и частично вплоть до наших дней. Данное отношение было основано на представлении, что советские востоковеды продолжают только «прогрессивные» традиции дореволюционной российской ориенталистики; советский вариант дисциплины, вобравший в себя социалистические идеи, был осознанно «очищен» от тех негативных подходов в ориенталистском наследии, которые якобы доминируют на Западе. Такое представление о советском востоковедении как освободившейся от политического влияния дисциплине, конечно же, неверно – не будет преувеличением сказать, что в гораздо большей степени, нежели на Западе, востоковедение в СССР (даже в классической области текстуальных исследований) работало по государственному заказу и в жестких рамках идеологических установок: так, например, публикация восточных текстов в различных регионах Средней Азии была организована и профинансирована советским государством для того, чтобы обеспечить национальную историографию отдельных советских республик с «ислам-

---

¹ Обзор западной критики ориентализма, а также репризты наиболее важных публикаций подобного рода, включая работу Абдель-Малика «Ориентализм в кризисе», см. [Orientalism, 2000].

² В 1985 г. конгресс вновь сменил свое название, в этот раз на «Международный конгресс исследователей Азии и Северной Африки» («*International Congress of Asian and North African Studies*»).

ским наследием» материальной базой для конструкции четко различимой самобытности каждой из советских национальных государственных образований в Центральной Азии и на Кавказе¹. В Советском Татарстане наука также предполагала очень избирательное прочтение документов о прошлом татарского народа: современная историография должна была полностью поддерживать идею о секулярном характере татарской мысли [Bustanov and Kemper, 2012, p. 29–54]. В дополнение к этим внутренним задачам советской ориенталистики, востоковедные центры в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Баку, Тбилиси и Душанбе часто привлекались к процессу сбора информации о текущем положении дел на Востоке, то есть удовлетворяли запросы советских политиков и службы внешней разведки (хотя члены партии, правительство и разведки редко читали научные труды, что, как известно, проявилось в решении ЦК послать советские войска в Афганистан). Наконец, преподавание языков как часть подготовки востоковедов позволяло выпустить тысячи переводчиков и специалистов, которые впоследствии работали на дипломатической службе, в различных партийных или административных структурах. Другими словами, советское востоковедение было новым по форме (поскольку оно сознательно критиковало буржуазные традиции «колониальной ориенталистики»), но в действительности продолжало оставаться государственно-ориентированной дисциплиной, т.е. служащей интересам государства, его целям как во внутренней, так и во внешней политике [Kemper, 2010, p. 435–476].

М.А. Усманов полностью осознавал эту зависимость востоковедения от советской внешней политики и КГБ. Несмотря на то, что он был активным членом коммунистической партии, есть все основания полагать, что ученый пытался оставаться в стороне от политизированной ориенталистики, центром которой тогда был московский Институт востоковедения Академии наук СССР (ИВ АН СССР). Поэтому М.А. Усманов поддерживал более тесные связи с Ленинградским отделением ИВ, где, помимо прочего, продолжалась работа над рукописными текстами. И он наверняка отдавал себе отчет в том, что даже работа со старыми манускриптами, особенно когда дело доходило до их включения в национальную историографию, не может быть абсолютной нейтральной, свободной от политического влияния. Однако это не являлось для него серьезным препятствием, так как его собственный грандиозный проект по реабилитации национальной историографии по своей природе был весьма политизированным. Кроме этого М.А. Усманов развивал тесные связи и с другими советскими востоковедами, которые использовали архивные исследования для выражения соб-

---

¹ Об этих проектах начиная с 1930-х гг. [Bustanov, 2015].

ственной национальной (нерусской) идентичности в СССР. Другими словами, вопрос заключался в том, как развить тот научный потенциал, который необходим для такого рода больших проектов, и, что немаловажно, суметь сохранить контроль над ним. М.А. Усманову это удавалось, например, благодаря тому, что преподавание восточных языков осуществлялось на базе «его» Татфака. На руку ученому был и немного провинциальный статус КГУ, который М.А. Усманов, как ни парадоксально, старался изменить: шансы, что выпускники его программ могли бы сделать карьеру в КГБ или на внешнеполитической службе были довольно низкими. Другими словами, невысокий по сравнению со столичными вузами статус КГУ помог превратить местное востоковедение в область, служащую интересам не центральных властей, а татарских историков. Востоковедение, которое развивал М.А. Усманов, должно было стать не столько инструментом государственной политики, сколько ключом от дверей в прошлое татарского народа. В целом это была попытка передать востоковедение в руки нерусских народов: тех, кто мог бы скорректировать изъяны и заполнить лакуны, созданные ориенталистами из центра.

Оттепель в советском востоковедении: объединяя Восток и Запад

Во многих отношениях М.А. Усманов был «шестидесятником» – интеллектуалом, мировоззрение и навыки которого сформировались в конце 1950 – начале 1960-х гг., когда Н.С. Хрущев критиковал сталинизм и побуждал советское общество осуществлять новые проекты. В это время во всех областях советской науки поощрялось развитие международных контактов и пересмотр старых догм.

Первая серьезная попытка преодолеть сталинский изоляционизм в советском востоковедении была предпринята в 1960 г., когда в Москве был организован 25-й Международный конгресс востоковедов¹. Советские ученые уже принимали участие в предыдущих съездах Конгресса – в 1954 г. в Кембридже и в 1957 г. в Мюнхене, где они произвели необычайно благоприятное впечатление на зарубежных коллег своей приверженностью к классическому, якобы не политизированному востоковедению. 25-й Конгресс, работавший в Москве под председательством директора ИВ АН СССР Бободжана Гафуровича Гафурова (1908–1977), был призван продемонстрировать достижения советской ориенталистики после ее очередной реорганизации: на 20-ом съезде КПСС в 1956-ом г. А.И. Микоян подверг

---

¹ Для анализа Конгресса как важного политического и научного события: [Кемпер, 2015].

востоковедение времен Сталина жесткой критике, поэтому сразу после съезда Б.Г. Гафуров, тогда еще секретарь компартии Таджикистана, был назначен директором ИВ АН СССР и получил задание переориентировать советскую ориенталистику на политические темы современного Востока.

Ключевой целью Международного конгресса востоковедов в Москве в 1960 г. было продемонстрировать странам «третьего мира», что советское руководство во главе с Н.С. Хрущевым и советское востоковедение полностью поддерживают стремление этих стран к «деколонизации Востока», что советские востоковеды отличаются от своих западных коллег, придерживающихся «колониальной ориенталистики». В определенном конфликте с этой целью была другая, не менее важная задача Конгресса: показать Западу, что новая ориентация советского востоковедения не делает его менее профессиональным, стоящим по уровню ниже, чем европейская ориенталистика, особенно в классических областях этой науки. Наконец, Конгресс должен был продемонстрировать, что «коренные ориенталисты», т.е. советские ученые из республик Средней Азии и Кавказа, полностью интегрированы в советское востоковедение посредством общего проекта по созданию Советской «политико-классической» ориенталистики. Поэтому в программу Конгресса были включены доклады не только среднеазиатских и кавказских ученых, но также представителей научных кругов Татарстана. Например, вышеупомянутый учитель М.А. Усманова – Хатип Госман (Х.У. Усманов) выступил с докладом о татарской поэзии [Усманов Х.У., 1963, с. 353–358].

Бободжан Гафуров призывал к полной переориентации советского востоковедения на изучение современного Востока. Его целью было превратить ИВ АН СССР в центральную организацию сети аналогичных институтов, располагающихся в разных республиках; каждый из этих республиканских институтов должен был специализироваться на определенной географической области. Очевидно, что такой подход ограничивал бы анализ собственно советского мусульманского наследия, приостановив текстуальные и археологические работы непосредственно в самих регионах, и в целом оказал бы негативное влияние на процесс изучения Средней Азии и Кавказа. В то же время Б.Г. Гафуров полностью понимал ценность вклада советского востоковедения в изучение этого «собственного Востока», особенно в деле разработки республиканских историографий. В конечном итоге оба тренда в востоковедных исследованиях сосуществовали, и большинство ученых (в том числе самых видных и уважаемых) вопреки новой политической риторике республиканских институтов востоковедения продолжало работать в области классических исследований, изучая местные материалы. Однако, делая упор на важности востоковедения для внешней политики страны, директор ИВ АН стремился в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в целом к повы-

шению статуса советского востоковедения и, соответственно, привлечению государственных дотаций.

Международный конгресс востоковедов в 1960 г. стал поводом для критического пересмотра концепций востоковедения [Kemper, 2015]. В 1958 г. в ходе подготовки к Конгрессу несколько ведущих российских ученых приняли участие в работе оргкомитета, где рассматривались такие вопросы, как: что значит понятие «советское востоковедение»; каким образом следует презентовать советскую науку о Востоке зарубежным гостям; какой стратегии следует придерживаться в развитии востоковедения. Хотя большинство участников дискуссии старалось избегать темы устаревшей структуры востоковедения, иранист Борис Николаевич Заходер (1898–1960) осмелился указать на слабые стороны советского востоковедения того периода. Обращая внимание на недостаточно развитые связи с западным научным сообществом, Б.Н. Заходер рассматривал Конгресс как возможность для советской науки определить пути выхода из этой изоляции. Сложившуюся ситуацию ученый связывал с критикой традиционного образа ориенталистики: не только на Западе, но и в глобальных масштабах:

«Организации института востоковедения [в Москве в 1950 г.] предшествовали дискуссии, в которых многие из присутствующих принимали участие. В будущем будет создаваться всеобщая история, всеобщая история литературы, [и] востоковедения как такого не будет. Нужно предвидеть [такое] развитие науки»¹.

Отвечая на вопрос Сергея Толстого, прежнего директора ИВ АН СССР, стоит ли рассматривать это утверждение как призыв к ликвидации востоковедения, Б.Н. Заходер заметил:

«Ликвидировать востоковедение [было бы] неплохо, но это пока несвоевременно. Востоковедения [уже] нет в наших республиках – есть [лишь] развитие истории отдельных республик; это – будущее науки, нужно видеть развитие».

Без сомнения, это было сильным заявлением: конец колониальной системы должен неизбежно привести к краху востоковедения как устаревшей дисциплины. Причина была не столько в том, что эта наука была призвана удовлетворять нужды колониализма, сколько в том, что изучение Востока в отрыве от глобальных процессов не будет иметь больше смысла. Позиция Б.Н. Заходера затронула многие из тех аспектов, которые станут предметом обсуждения последующих международных конгрессов востоковедов. Ряд тезисов ученого перекликается с аргументацией Эдварда Саида

---

¹ Здесь Б. Заходер отсылает к статье (название не дано), в которой он, якобы в соавторстве с китаистом Н.И. Конрадом, объяснял данный подход.

в его известной книге «Ориентализм» (1978). Напомним, что уже в начале XX столетия некоторые выдающиеся российские ориенталисты (в том числе этнические немцы) критически относились к традиционному определению востоковедения [Tolz, 2008, 2011]. Такого рода критика ориентализма присутствовала и в советский период, как показывает вышеуказанная дискуссия 1958 г. и пример Б.Н. Заходера. «Отец советской японологии», Николай Иосифович Конрад (1891–1970), был также известен как ярый критик онтологического разделения Востока и Запада [Batunsky, 1982, p. 380; Croskey, 1991, p. 116–133].

Однако, как показывают протоколы встреч оргкомитета в 1958 г., директор ИВ АН Б.Г. Гафуров не разделял идей Б. Заходера. В конечном итоге программа Конгресса 1960 г. была составлена соответственно традиционной форме; для Б.Г. Гафурова востоковедение в классическом варианте, пусть и с новой политической программой, являлось превосходным инструментом для достижения его собственных целей, от которого он не намерен был отказываться. Как показал Артемий М. Калиновский [2013], Б.Г. Гафуров умело использовал существующие различия между Востоком и Западом, постколониальный статус своей «отсталой» Средней Азии в качестве аргумента, способного убедить Москву поддержать его грандиозные инфраструктурные проекты в Таджикистане. Поэтому не удивительно, что даже в 1973 г., на том Парижском Конгрессе востоковедов, где было решено сменить название научной платформы и избавиться от термина «ориенталист», Б. Гафуров выступил за сохранение старого названия, которое, в его представлении, сослужило науке лишь добрую службу [Lewis, 1982, p. 4–5].

Этот эпизод показывает, что, несмотря на усиливающуюся политизацию советского востоковедения и его очевидную зависимость от Кремля, некоторые ученые осмеливались выступать за полную реконцептуализацию и даже упразднение дисциплины – как единственную возможность полностью освободить ориенталистику от присущей ей колониальной традиции.

Я упомянул здесь эти дебаты, поскольку 25-й Международный конгресс востоковедов в Москве (1960) проходил непосредственно перед вышеупомянутой попыткой возрождения в Казани Общества истории, археологии и этнографии. Маловероятно, чтобы молодой Миркасым Усманов имел прямой контакт с Б.Н. Заходером (который, к сожалению, скончался в 1960 г., за несколько месяцев до начала работы Конгресса); однако мы можем с уверенностью предположить, что реформа конца 1950-х – начала 1960-х гг., важнейшим компонентом которой являлась интернационализация науки, стала импульсом, повлиявшим на ход мыслей М.А. Усманова и программу его действий в Казани. Как бы это парадоксально ни звучало, если Б.Н. Заходер аргументировал необходимость упразднения востокове-

дения через его интеграцию в мировую историю и мировую литературу (а одновременно и в «республиканские» историографии – «Востоковедения [уже] нет в наших республиках – есть [лишь] развитие истории отдельных республик»), Миркасым Усманов отстаивал ту же точку зрения, но с противоположной позиции: основание в Казани школы востоковедения необходимо для того, чтобы углубить исследования по истории татар. Для обоих ученых национальная историография была естественным результатом этого процесса в глобальном контексте.

Преодоление изоляции

М.А. Усманов получил начальное образование в татарской школе в Кульдже (Восточный Туркестан), в городе, где значительную часть населения составляют татары; затем он перешел в местную русскую гимназию. Усманов гордился своим образованием и тем, что владел татарским языком в совершенстве. Арабская графика, которой уйгуры Синцзяня пользуются до сих пор, была ему хорошо знакома с детства; впоследствии он пользовался ею даже в личной переписке с некоторыми западными коллегами (например, с немецким тюркологом Михаэлем Фридрихом, который изучал в Казани работы Габдуллы Тукая и восприятие образа поэта¹). Сам М.А. Усманов считал, что близкое знакомство с татарской культурой в Кульдже дало ему решающее преимущество перед другими татарами его поколения, которые родились и получили образование в ТАССР: этот опыт определил его отличную от общепринятой точку зрения по многим вопросам.

При этом М.А. Усманов также получил качественное советское образование. Через три года после его переезда из Кульджи в Казахстан, он поехал в 1958 г. в Казань, где воспользовался всеми преимуществами советской системы высшего образования: социальная мобильность хрущевской эпохи, сохранявшаяся даже в наиболее застойные годы брежневского правления, сформировала Усманова таким, каким его знали близкие и коллеги.

Конференции, проводимые по всей территории Советского Союза, позволяли ученым из различных регионов поддерживать прочные связи друг с другом. М.А. Усманов установил контакты с востоковедами из большинства советских республик: среди них были Анас Бакиевич Халидов (1929–2001) из Ленинграда, Зия Мусаевич Буниятов (1923–1997) из Баку, Амри Рзаевич Шихсаидов (род. 1928) из Махачкалы и другие выдающиеся личности советской востоковедческой науки. Все они работали с местными восточными рукописями, которые доказывали, что до революции 1917 г. национальные интеллектуальные элиты (татар, азербайджанцев, лезгин / дагестанцев) дей-

¹ Личная переписка 1996 г.

ствовали в широком, выходящем далеко за пределы России контексте персидской, тюркской и / или арабской литературной и культурной традиций. М.А. Усманов встречался с этими учеными на различных мероприятиях, в частности на известных «Бартольдских чтениях» – основным направлением этой научной платформы были исследования, посвященные восточной текстологии и источниковедению¹. Все вышеназванные ориенталисты были ученые нерусского происхождения, и все они полностью идентифицировали себя с «западной» (т.е. невосточной) по происхождению традицией востоковедения: А.Б. Халидов символизировал важную роль татар в фундаментальных исследованиях в востоковедении / арабистике; З.М. Буниятов выступал образцом успешного использования ориенталистики для формирования «правильной» (с его точки зрения) национальной историографии в Азербайджане²; а А.Р. Шихсаидов и в настоящее время является ключевой фигурой (даже можно сказать, движущей силой) в деле возрождения дагестанской арабоязычной литературы и исторической традиции: эти традиции в Дагестане считаются общим наследием для всех населяющих регион национальностей, что, в свою очередь, может послужить основой для установления мира и согласия в этой многострадальной республике [Shikhsaidov, 2011, p. 203–216].

Гораздо сложнее было развивать связи с зарубежными коллегами: М.А. Усманов смог добиться успеха в этом только в конце 1980-х гг. Как отмечал сам ученый в своем очерке о восстановлении казанского востоковедения, в 1988 г. он был приглашен на 10-й Конгресс Турецкого исторического общества, но не смог принять в нем участие, поскольку не получил от Министерства образования разрешения на выезд [Usmanov, 1991, p. 903–909]³. В работе следующего съезда (1990) он смог присутствовать лишь благодаря поддержке З.М. Буниятова. Контакты М.А. Усманова с Турцией позволили ему, в свою очередь, наладить отношения с Центром исследований истории, искусства и культуры исламского мира (ИРСИКА). В партнерстве с турецким центром, КГУ и Академия Наук Татарстана впоследствии осуществили целую серию важных симпозиумов и крупных научных проектов, одним

---

¹ Согласно библиографии М.А. Усманова [Миркасым Усманов, 2004], он принял участие в работе БЧ в 1982, 1984, 1987 и 1990-х гг., в сборниках которых помещены его доклады.

² О взаимоотношениях М.А. Усманова с З.М. Буниятовым: [Усманов, 2002, с. 545–555].

³ Вероятно, первой международной публикацией М.А. Усманова стали тезисы доклада, которые были подготовлены им к другому турецкому конгрессу в 1986 г. [Usmanov, 1986, p. 74–75].

из организаторов которых был М.А. Усманов¹. В 1990–2000-х гг. несколько молодых ученых из Турции приехали в Казань для того, чтобы под руководством М.А. Усманова проводить исследования по татарской истории и работать с документами, хранящимися в университетской библиотеке. Более того, М.А. Усманову удалось установить отношения с Ираном. Совершив официальный визит в составе делегации под руководством президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева в Тегеран, ученый привез на родину копию средневековой рукописи (список XVII в.) неизвестного ранее трактата XIV в. по фармакологии, автором которого был выходец из Поволжья. Эта работа позднее была подготовлена к печати А.Б. Халидовым и опубликована с предисловием М.А. Усманова [Таджеддин аль-Булгари, 1997].

Не менее важными для М.А. Усманова были контакты с Германией. Здесь будет уместным напомнить, что уже с начала 1800-х гг. немецкие ориенталисты играли важную роль в становлении востоковедения в Казанском университете. М.А. Усманов посвятил работе немецких ученых в Казани несколько статей [Усманов, 1994, с. 177–203; Усманов, 1999, с. 21–39]. В 1991 г. он установил партнерские отношения с Гиссенским университетом, в частности с профессорами Клаусом Хеллером, специалистом по социально-экономической истории России, и Хансгердом Гекеньяном (1938–2005), известным ученым, проводившим исследования по истории кочевых народов Центральной Азии. Это сотрудничество принесло плоды в виде организации регулярных студенческих обменов между Гиссенским и Казанским университетами, которые продолжаются и сегодня. Через своего ученика Искандера Аязовича Гилязова М.А. Усманов также установил контакты с университетом г. Кельн, где историю малых народов Волго-Уральского региона в имперский период преподавал профессор Андреас Каппелер. По приглашению известного тюрколога и специалиста по Центральной Азии, профессора Ингеборг Бальдауф, основавшей в Гумбольдтском университете Центр среднеазиатских исследований, М.А. Усманов неоднократно бывал в Бамберге и Берлине. Он также поддерживал многолетнюю дружбу и сотрудничество с профессором Барбарой Кельнер-Хайнкеле, которая возглавляла Институт тюркологии в Свободном университете в Берлине. Будучи специалистом по истории крымских татар, Б. Кельнер-Хайнкеле поддерживала преподавание татарского языка в университете, а также работу над немецкоязычным учебником татарского языка, подготовленным в рамках сотрудничества Маргарет Эрсен-Раш с Флерой Сафиуллиной из КГУ. В середине 1990-х гг. М.А. Усманов принимал активное участие в реализации

---

¹ Эта кооперация увенчалась монументальным томом под названием «Татарская история и цивилизация». См. подробнее: [Tatar History and Civilization, 2010].

совместного проекта на базе Рурского университета (г. Бохум, Германия) по истории и культуре исламских народов бывшего СССР, в котором были задействованы также несколько учеников и коллег М.А. Усманова. Любопытно, что контакты М.А. Усманова с немецкими партнерами охватывали различные дисциплины: имперскую историю России и Средней Азии (Гиссен и Кельн), тюркологию и филологию (Берлин), а также исламоведение и ориенталистику (Бохум). Ценными для ученого были также контакты с венгерскими востоковедами, благодаря сотрудничеству с которыми ему удалось опубликовать несколько бесценных татарских исторических произведений [Ivanics, Usmanov, 2002]. М.А. Усманов регулярно встречался со своими венгерскими коллегами, а также с Б. Кельнер-Хайнкеле и И. Балдауф на сессиях Постоянной Международной алтаистической конференции (ПИАК/PIAC).

Установлению связей с Германией предшествовало развитие научных контактов М.А. Усманова с коллегами из США. Его первая поездка в Америку состоялась осенью 1990 г., когда он посетил Висконсинский университет в Мадисоне. Его главными научными партнерами тогда стали Кемаль Карпат и Юлай Шамильоглу; последний разделял интересы ученого в источниковедении и изучении истории Золотой Орды. В мае – июне 1992 г. М.А. Усманов принял участие в конференции в Чикаго, посвященной российским пограничным территориям. Этот визит стал возможен благодаря приглашению Михаила Ходарковского, который был знаком с книгой М.А. Усманова по истории Золотой Орды¹. Через год М. Ходарковский приехал в Казань, чтобы поработать в архивах и с документами университетской библиотеки. В течение недели он гостил в семье Усмановых². Для М.А. Усманова контакты с американскими коллегами дали возможность опубликовать свою первую статью в западном журнале (пусть и на русском языке) о роли татарского купечества в восточной торговле через Астрахань и Оренбург в XVII–XVIII вв. [Усманов, 1992, с. 505–513]: этот материал делал акцент на присущих татарам мобильности и трудолюбию – качествах, которые были характерны и для самого М.А. Усманова.

Стоит упомянуть и Аллена Франка, ученика профессора Девина Де-Виза в Индианском университете, который продолжил работу М.А. Усманова по анализу и публикации татароязычных исторических произведений XVII–XIX вв. Это многолетнее сотрудничество позволило издать несколько важных сборников татароязычных исторических источников из Казахста-

---

¹ Эта монография была охарактеризована М. Ходарковским как «тщательная, компетентная и неидеологизированная работа».

² Из личной переписки автора с М. Ходарковским (20.02.2015).

на [Frank and Usmanov, 2001, 2004]. Не будет преувеличением сказать, что в 1990-х гг. М.А. Усманов приобрел широкую известность на Западе, где он был признан в качестве главного специалиста по татарской истории.

Заключение: татарская наука в глобальном контексте

На основе этого краткого обзора можно сделать вывод, что М.А. Усманов являлся антиподом того, что называется узким татарским национализмом: он открыл татарскую науку сначала для специалистов из других регионов СССР (посредством своих советских контактов), а затем и для коллег из Турции, Европы и Америки. Представление татарской историографии в широком контексте было для него естественным, поскольку отражало историческую роль российских татар как посредников между Востоком и Западом; включение научной школы М.А. Усманова в интернациональный контекст предоставляло его ученикам широкие возможности международной кооперации. Конкуренция на международной арене была лучшим способом сохранить высокие академические стандарты при проведении исследований.

В наши дни российские СМИ изображают Запад как прямую угрозу. К сожалению, ученые с обеих сторон легко поддаются влиянию этих политических игр. Для М.А. Усманова, выдающегося представителя татарского народа, новая холодная война и нарастающая самоизоляция России показались бы абсурдом; только тесное сотрудничество с различными странами мира, в истинно академической форме, позволяет перенимать лучшее у других научных школ. Для М.А. Усманова востоковедение было важным инструментом для установления контактов и с Западом, и с Востоком, что способствовало признанию его научного вклада на международном уровне.

Литература

Batunsky M. Recent Soviet Islamology / M. Batunsky // Religion 12. 1982. – P. 365–389.

Bobrovnikov V. The Contribution of Oriental Scholarship to the Soviet Anti-Islamic Discourse: From the Militant Godless to the Knowledge Society / V. Bobrovnikov // The Heritage of Soviet Oriental Studies, ed. by Michael Kemper and Stephan Conermann. Abingdon, New York, 2011. – P. 66–85.

Bustanov A. Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. / A. Bustanov. – Abingdon and New York, 2015.

Bustanov A.K. From Mirasism to Euro-Islam: The Translation of Islamic Legal Debates into Tatar Secular Cultural Heritage / A.K. Bustanov, M. Kemper // Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia, edited by A.K. Bustanov and M. Kemper. – Amsterdam, 2012. – P. 29–54.

Croskey R.M. N.I. Konrad and the Soviet Study of Japan / R.M. Croskey // *Acta Slavica Iaponica* 9. – 1991. – P. 116–133.

Ivanics M., Usmanov M. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nāmä) / M. Ivanics, M. Usmanov. I. (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). – Szeged, 2002.

Kalinovsky A. Not Some British Colony in Africa: The Politics of Decolonization and Modernization in Soviet Central Asia, 1955–1964 / A. Kalinovsky // *Ab Imperio*. – № 2. – 2013. – C.1–31.

Kemper M. Red Orientalism: Mikhail Pavlovich and Marxist Oriental Studies in Early Soviet Russia / M. Kemper // *Die Welt des Islams* 50:3-4. – 2010. – P. 435–476.

Kemper M. İjtihad into Philosophy: Islam as Cultural Heritage in Post-Stalinist Daghestan / M. Kemper // *Central Asian Survey* 33:3. – 2014. – Pp. 390–404.

Kemper M. Propaganda for the East, Scholarship for the West: Soviet Strategies at the 1960 International Congress of Orientalists in Moscow / M. Kemper // *Reassessing Orientalism: Interlocking Orientologies during the Cold War*; edited by M. Kemper and A.M. Kalinovsky. – London and New York, 2015. – P. 170–210.

Lewis B. The Question of Orientalism / B. Lewis // *The New York Review of Books*. – June 24. – 1982. – P. 4–5.

Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two Manuscripts by Ahmad-Walī al-Qazānī, and Qurbān-‘Alī Khālīdī edited by A.J. Frank and M.A. Usmanov. – Berlin: ANOR, 2001. – No. 11.

Orientalism: A Reader ed. by A.L. Macfie. – Edinburgh, 2000.

Qurbān-‘Alī Khālīdī. An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe: 1770–1912 ed. by A.J. Frank and M.A. Usmanov. – Leiden, 2004.

Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration / D. Schimmelpenninck van der Oye. – New Haven and London, 2010. – 119 p.

Shikhsaidov A.R. Arabic Historical Studies in Twentieth-century Daghestan / A.R. Shikhsaidov // *The Heritage of Soviet Oriental Studies*; ed. by M. Kemper and S. Conermann. – Abingdon, New York, 2011. – P. 203–216.

Tatar History and Civilization edited by D. Ishaqov, Project Director: Halit Eren, Project Advisors: M.A. Usmanov, R.S. Khakimov, translated by Ilnur I. Nadirov. – Istanbul: IRCICA, 2010.

Tolz V. European, National, and (Anti-) Imperial: The Formation of Academic Oriental Studies in Late Tsarist and Early Soviet Russia / V. Tolz // *Kritika* 9:1. – 2008. – P. 53–81.

Tolz V. Russia’s Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods / V. Tolz. – Oxford, 2011.

Usmanov M. “XIV–XVI yüzyıllarda Coçi Ulusunun Osmanlı devletini ile kañçılıriya içlerindeki temaslarının üzerine” / M. Usmanov // *Türk Tarih Kongresinden ayrıbasım* (Ankara), (1991). – P. 903–909.

Usmanov M.A. The Struggle for the Reestablishment of Oriental Studies in Twentieth-century Kazan / M.A. Usmanov // *The Heritage of Soviet Oriental Studies*, ed. by Michael Kemper and Stephan Conermann. Abingdon, New York, 2011. – P. 169–202.

Usmanov M. Kazan Şarkiyatçılığının Kaderi (XX. Yüzyıl), ed. by Mustafa Karagüloğlu / M. Usmanov. – Istanbul, 2013.

Ахметзянов М. Татарская археография: отчеты о результатах археографических экспедиций (1972–2010 гг.) / М. Ахметзянов. – Ч. 2. – Казань, 2011.

Бустанов А.К. Пересмотр концепции советского ислама: Зайнап Максудова и изучение татарской литературы / А.К. Бустанов; отв. ред. Д.В. Брилев // Ислам в мультикультурном мире: мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сб. статей. – Казань, 2014. – С. 482–487.

Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20-е гг. XX вв.) / Р.М. Валеев. – Казань, 1998.

Госманов М.Г. Каурый каләм эзеннән: археограф язмалары / М.Г. Госманов. – Казан: Татар. китап нәшр. 1984, 1994.

Госманов М.Г. Ябылмаган китап яки чәчелгән орлыклар / М.Г. Госманов. – Казан: Татар. китап нәшр. 1996.

Госманов М.Г. Гасырдан-гасырга / М.Г. Госманов. – Казан: Татар. китап нәшр. 2004. – 488 б.

Госманов М.Г. (2007), Альберт Фэтхи турында истәлекләр [өзек] // Казан утлары. № 7. 149-150 б.

Госманов М.Г. Археографик көндәлек / М.Г. Госманов // Безнең мирас. – 2014. – № 5. – Б. 20–28; № 6. Б. 41–43 [расшифровка текста, публикация документа, предисловие Д.М. Усмановой].

Әхмәтҗанов М. Мирасханә: фонд һәм коллекцияләр күрсәткече / М. Әхмәтҗанов. – Казан, 2005.

Әхмәтҗанов М. Татар археографиясенә сәхифәләр: тарих пәрделәре күтәрелгәндә / М. Әхмәтҗанов. – Казан, 2012.

Миркасым Усманов: библиографический указатель. Казань, 2004.

Наврузов А. «Джаридат Дагестан» – арабоязычная газета кавказских джаидов. – М., 2012.

Усманов М.А. Источники книги Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар» / М.А. Усманов // Очерки истории Поволжья и Приуралья: сборник статей. Вып. 2. –3. – 1969.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: сборник летописей. Дафтар-и Чингиз-наме. Таварих-и Булгария. Татарские шаджара / М.А. Усманов. – Казань: Изд-во КГУ, 1972. – 223 с.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. / М.А. Усманов; науч. ред. С.М. Каштанов. – Казань: Изд-во КГУ, 1979. – 318 с.

Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Повесть о жизни и деятельности / М.А. Усманов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. – 223 с.

Усманов М.А. К изучению делопроизводственных связей Джучиева улуса и турции (XIV–XVI вв.) / М.А. Усманов // Bil diri özetleri. X Türk tarih kongresi. 22–26 Eylül 1986. Ankara, 1986. – P. 74–75.

Усманов М.А. Татарское купечество в торговле России с восточными странами через Астрахань и Оренбург в XVII – XVIII столетиях / М.А. Усманов // Russian Review, 19. – 1992. – P. 505–513.

Усманов М.А. Ученые из Германии в казанском университете и их вклад в развитие науки, культуры (первая половина 19 в.) / М.А. Усманов // *Das Mittlere Wolgagebiet in Geschichte und Gegenwart*, edited by Klaus Heller and Herbert Jelitte. – Frankfurt a.M., 1994. – S. 177–203.

Усманов М.А. Из истории сотрудничества ученых Казанского университета и Германии (первая половина 19 в.) / М.А. Усманов // *Грани сотрудничества между Казанским и Гиссенским университетом*. – Казань, 1999. – С. 21–39.

Усманов М.А. Последний подарок академика Буниятова // *Сильнее смерти: Зия Буниятов в воспоминаниях современников* / М.А. Усманов, – Баку, 2002. – С. 545–555.

Усманов М.А. О судьбе казанского востоковедения / М.А. Усманов // *Научный Татарстан*. – № 2. – 2010. – С. 176–192; № 3. С. 141–165.

Усманов Х.У. Основные вопросы татарского стихосложения / Х.У. Усманов // *Труды 25-го Международного конгресса востоковедов*. Москва, 9–16 августа 1960. – Т. 3. – М., 1963 – С. 353–358.

Усманова Д.М. Миссия археографических экспедиций в сохранении и развитии традиций востоковедения и исламоведения в Казанском государственном университете / Д.М. Усманова; отв. ред. Д.В. Брилев // *Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сб. статей*. – Казань, 2014. – С. 465–481.

Фэтхи А. Мәкаләләр һәм истәлекләр / А. Фэтхи. – Казан, 2007.

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ДНЕВНИКИ

М.А. УСМАНОВА (1963–1988 гг.)

КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ АРХЕОГРАФИИ

Диляра Миркасымовна Усманова

Казанский федеральный университет, Казань

Осенью 2013 г. в истории Казанского университета почти незамеченной прошла весьма знаменательная дата: Археографическая экспедиция научной библиотеки КГУ / КФУ (АЭ НБЛ КГУ) отметила свой полувековой юбилей. Основанная осенью 1963 г., экспедиция проработала почти без перерыва пятьдесят лет (1963–2013). В 1967 г. АЭ не состоялась, поскольку ее руководитель готовился к защите кандидатской диссертации; в 1991 г. нарастающий распад Советского союза и многочисленные экономические проблемы сильно осложнили организацию ежегодной экспедиции. Только в 1992 г., когда были объединены усилия двух библиотек – НБЛ КГУ и НБ РТ – стало возможным продолжение работ по поиску восточных рукописей.

Ровно половину срока, то есть в течение 1963–1989 гг., в работе АЭ НБЛ КГУ непосредственное участие принимал Миркасым Абдулахатов.

вич Усманов (1934–2010), стоявший вместе со своим учителем Шамилем Фатыховичем Мухамедьяровым (1928–2005) у истоков этого начинания. В течение четверти века М.А. Усманов выступал в качестве организатора, непосредственного участника и руководителя экспедиционной команды (то есть с выездом «в поле»), а также последующего исследователя. С начала 1990-х и вплоть до 2010 г. АЭ КГУ осуществлялись совместно с АЭ НБ РТ, а руководителем экспедиции стал ученик М.А. Усманова – доцент З.С. Миннуллин.

Безусловно, в настоящее время этап активной полевой работы уже пройден и стал в определенной мере достоянием прошлого. Многие страницы экспедиционной истории в значительной степени были описаны ее основателем и многолетним руководителем [Усманов, Шайхиев, 1984; Усманов, 1990; Госманов, 1994; Госманов, 2008а]. Поэтому сейчас, наряду с созданием новой трактовки истории казанской археографии, на повестку выступают и иные задачи: подведение итогов экспедиционной деятельности и расширение источниковой основы исследований в области восточной археографии. В данной статье главный фокус внимания сосредоточен на дневниках, которые ученый вел в ходе археографических экспедиций. Анализ собственно экспедиционных дневников, я посчитала необходимым предварить общим обзором истории восточной археографии в Казанском университете, в том числе историей создания Археографической экспедиции КГУ и некоторыми итогами ее деятельности за первую четверть века.

**Традиции восточной археографии
в Казанском университете в XIX – первой половине XX столетия.
Саид Вахиди. Создание ОРРК НБЛ КГУ**

Собирание рукописей и древних книг в Казанском университете началось вместе с учреждением т. н. Восточного разряда (1804 г.). За первые пятьдесят лет восточные раритеты поступали в библиотеку в основном вместе с материалами разнообразных этнографических экспедиций, а также в результате собирательской и публикаторской деятельности отдельных ученых. Среди людей, внесших значительный вклад в собирание и публикацию восточных рукописей, можно отметить Ибрагима Хальфина (1778–1829), Карла Фукса (1776–1846), Мирзу Александра Казем-бека (1802–1870), Илью Николаевича Березина (1818–1896) и др. Однако вместе с переводом Восточного разряда в Санкт-Петербург (1854–1856) в столицу была перемещена практически вся имеющаяся на тот момент восточная коллекция. Поэтому во второй половине XIX в. сбор арабографических книг и рукописей в Казани был начат «с чистого листа». В университете этот процесс связан с деятельностью Иосифа Готвальда (1813–1897), который в течение

почти пятидесяти лет (1850–1897) являлся директором научной библиотеки Казанского университета. Еще при жизни, в 1895 г. он передал из своего собрания в дар университету 111 арабографических рукописей. В 1897 г. его дочь передала университету оставшуюся часть личной библиотеки и архива отца, в которой оказалось еще 157 восточных рукописей. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. восточная коллекция университета насчитывала около трехсот арабографических рукописей, большая часть которой была обязана вкладу Иосифа Готвальда. С этим багажом НБ КГУ вступила в XX век.

После Февральской революции 1917 г. библиотека стала пополняться за счет частных коллекций, которые передавались в дар университетской библиотеке (или иным библиотекам, затем вошедшим в состав университетского собрания) персонально или наследниками. Например, в 1920 г. в дар библиотеки Музея Татарской республики было передано 947 рукописей из коллекции Галимджана Баруди (1857–1921), собранных им за годы обучения в Средней Азии, а также во время многочисленных путешествий по Центральной Азии и Ближнему Востоку.

В первой половине XX столетия поистине неоценимый вклад в восточную археографию внес Саид Вахиди (1887–1938), который одним из первых среди татар стал заниматься целенаправленным поиском и сбором рукописей и древних книг, а также организацией археографических экспедиций [Госманов, 1990, 80–90 б.; Усманов, 2002, с. 549; Исламов, 2011, с. 226–228]. Еще в годы обучения в медресе, а также в первые годы учительства накануне революции 1917 г. проявилась его склонность к научной деятельности, желание заниматься поисковой и исследовательской деятельностью. В частности, именно тогда им был обнаружен знаменитый ярлык хана Сахиб-Гирея 1523 г. История с находкой, «добычей» и изучением (1919–1920) данного ярлыка – яркая страница в научном творчестве ученого [Вахидов, 1925]. В 1920-х – первой половине 1930-х гг. ученый активно занимался научно-поисковой и археографической деятельностью. Самые известные экспедиции с его участием были предприняты в Спасский район ТАССР (1928) и в составе экспедиции АН СССР (1934) [Миннуллин, 2012, с. 220–228]. Точное количество собранных им рукописей, старопечатных книг и различных документов неизвестно, однако их было не менее 3000. Они обогатили различные книгохранилища страны. Часть собранных им рукописей оказалась и в составе восточной коллекции НБ КГУ. По итогам ряда экспедиций, в том числе и 1928 г., Саид Вахиди написал специальную «Инструкцию по сбору и изучению исторических памятников и источников» (1918–1928), в которой попытался обобщить предшествующий опыт археографической работы среди мусульманского населения региона. «Инструкция», представляющая собой татароязычный арабографический рукописный текст

на 18 листах, готовилась автором к печати, но в силу ряда причин опубликована не была. Неизвестно, какое влияние идеи Саида Вахиди оказали на археографические экспедиции, организованные для сбора среди населения редких книг и рукописей в 1935 и 1937 гг., так как достоверной информации о результативности этих экспедиций, как и о составе их участников, нет. Тем не менее, очевидно, археографическая работа казанских ученых второй половины XX столетия генетически восходит своими корнями к творчеству и наследию этого выдающегося ученого.

Арест, обвинение С. Вахиди в пантюркизме и контрреволюционной деятельности (вплоть до попыток создать с помощью Китая и Японии татарское государство) и в итоге расстрел (5.01.1938) – все это укладывается в логику действий господствующего режима того времени. В свете идеологии большевистского режима, репрессии в отношении национальной интеллигенции были вполне логичными. Но репрессированными оказывались не только люди, но их книжные коллекции, в том числе и письменные раритеты татарского народа. Сохранилась масса свидетельств о том (особенно часто подобные свидетельства приходилось слышать участникам первых экспедиций 1960–1970-х гг.), как старинные книги и рукописи уничтожались десятками и сотнями: они сжигались, предавались земле, часто разделяли судьбу своих репрессированных или просто изгнанных из домов владельцев.

О незавидном положении восточной археографии в эти годы свидетельствует также работа Отдела редких книг и рукописей НБЛ КГУ (ОРПК НБЛ КГУ), созданного в 1934 г. Согласно официальным отчетам, на 1.01.1937 г. в фондах отдела насчитывалось 5174 рукописей и 250 печатных книг на восточных языках [Отчеты ОРПК за 1938 г., с. 7–8]. Следовательно, в середине 1930-х гг. в восточном секторе ОРПК имелось 5424 единицы хранения на восточных языках. Но общая политика в отношении сбора и изучения восточного письменного наследия была неблагоприятной для рукописной коллекции. Например, в 1940–1946 гг., после ареста и гибели в тюрьме Абукарама Шакирова, восточный отдел ОРПК был вообще закрыт за неимением соответствующего специалиста. Официальные отчеты рукописного отдела НБЛ КГУ, которые сохранились за эти годы, рисуют довольно безрадостную картину, прежде всего по наличию научных кадров, занимавшихся восточными рукописями, а также в отношении условий хранения и пр.

В 1930–1950-х гг. руководителями ОРПК были А.Я. Хабибуллин (1884–1956), А.Ш. Шакиров (1885–1942), С.К. Камалов (1885–1954), Г.М. Ишмухаметов (1891–1971), М.Н. Нугманов (1912–1976) [Научная библиотека..., 2011]. Первые руководители восточного отдела имели, как правило, дореволюционное образование, некоторые из них учились на Ближнем Востоке, что обеспечило их блестящую языковую подготовку.

Более благоприятным для арабографических книг стало время с конца 1950-х гг., что связано с общими процессами демократизации периода оттепели. Позитивные перемены также стали возможны благодаря усилиям Альберта Фатхиева (1937–1992), назначение которого в 1959 г. новым руководителем ОРПК открыло важную страницу в истории восточной археографии в Казанском университете [Фэтхи, 2007; Госманов, 2007, 149–150 б.]. Только что закончивший университет молодой и энергичный заведующий посвятил собиранию и изучению рукописей всю свою жизнь. С первых же дней он начал проводить активную работу по следующим направлениям: 1) наведение порядка в условиях хранения и регистрации рукописей и книг на восточных языках; 2) составление описаний рукописей, подготовка их к печати (в основном, имевших отношение к творчеству татарских писателей); 3) деятельность по увеличению книжного собрания; 4) популяризация книжно-рукописного наследия в прессе и среди населения.

На рубеже 1950–1960-х гг. библиотечные фонды стали пополняться за счет даров и пожертвований, а также различных находок во время фонетических, диалектологических, этнографических и иных экспедиций. Среди этих даров следовало бы отметить около 70 рукописей, собранных и подаренных библиотеке в конце 1959 г. Джавадом Алмазовым (1916–1979) [Отчет ОРПК за 1959 г., с. 25]¹. Около 20 списков сочинений разного содержания (исторических памятников, произведений татарской и др. тюркоязычной литературы), обнаруженных во время диалектологической экспедиции в Новосибирскую область в 1961 г., были переданы в университетскую библиотеку в 1962 г. в то время еще студентом М.А. Усмановым [Отчеты ОРПК, с. 44, инв. №№ 1919–1938г]. Одним из самых значительных поступлений рукописей в фонд ОРПК стала коллекция из примерно 590 рукописей и книг, обнаруженных в 1964 г. в казанской мечети Марджани и переданных в дар университету при содействии доцента исторического факультета Луизы Шайдуллиной. В их числе были списки памятников древнетатарской литературы «Насихат-ас-салихин» (рукописей этого сочинения в библиотечном фонде до тех пор не было), «Таварихи Булгария», «Дастаны Чингиз» и др. [Отчеты ОРПК, с. 98] Однако только организация специальной АЭ КГУ по сбору рукописей и старых редких книг смогла принципиально изменить ситуацию с увеличением восточной коллекции.

---

¹ Литературовед и археограф, автор работ по средневековой татарской литературе Джавад Алмазов в 1947–1955 гг. работал в вузах Узбекистана, затем в 1955–1961 гг. – в Казанском университете, впоследствии жил в Ташкенте.

Краткий экскурс в историю АЭ НБЛ КГУ и обзор численности восточной коллекции ОРПК КГУ

Говоря об археографической работе по сбору восточных рукописей, мы, как правило, ведем речь об АЭ КГУ под руководством М.А. Усманова и чуть позднее доцента З.С. Миннуллина, работавших практически без перерыва с 1963 по 2013 гг. Однако правильнее было бы говорить о целом комплексе археографических экспедиций, единичных поездок и отдельных мероприятий по сбору рукописей и старопечатных книг.

В частности, в 1963–1989 гг. только с участием самого М.А. Усманова состоялись минимум 33 экспедиции. В большинстве они были длительными (месяц и более), многосоставными (с 1969 г. начинают активно привлекаться студенты), направленными преимущественно на сбор рукописей. В ряде случаев они носили ознакомительно-разведывательный характер, а также эпиграфическую направленность.

Кроме этих официальных АЭ, руководитель восточного сектора А.С. Фатхиев с 1969 по 1978 гг. предпринимал свои собственные индивидуальные поездки – всего минимум 8–9 экспедиций, преимущественно на малую родину, т.е. в Актанышский район Татарстана. По меньшей мере по четыре АЭ проходили под руководством ассистента кафедры истории СССР Рафаэля Шайхиева (1978, 1981, 1983, 1987 гг.); аспиранта, а позднее ассистента той же кафедры Завдата Миннуллина (1981, 1982, 1983 и 1987 гг.); а также Искандера Гилязова (1988 г.). Все трое являлись учениками М.А. Усманова и действовали по плану археографической работы, разработанному на кафедре.

Таким образом, за первые 25 лет было организовано и проведено не менее 53 АЭ, из которых только около десяти были инициированы самостоятельно руководителем ОРПК А.С. Фатхиевым, а остальные были организованы и проходили под руководством профессора М.А. Усманова.

В течение полувека в поисках рукописей и старопечатных книг членами экспедиции было обследовано около 900 татарских населенных пунктов в более 20 регионах Российской Федерации, где проживало значительное количество татарское население. География экспедиций была чрезвычайно широка: от западных и центральных районов страны (Рязань) до Сибири (Тува, Новосибирск, Иркутск и пр.), от Перми на севере до Астрахани на юге. За 50 лет поисков участниками экспедиций было обнаружено, собрано и сдано на хранение в НБЛ КГУ (а с 1992 г. частично также в НБ РТ) и таким образом спасено около 10000 рукописей, старопечатных книг и отдельных документов, что позволило увеличить собрание восточной коллекции НБЛ КГУ почти втрое [Усманова, 2014, с. 465–481].

Динамика количественного роста восточной коллекции ОРПК КГУ в середине и второй половине XX столетия отражена в отчетах отдела [Отчет ОРПК НБЛ КГУ за 1936–1994 гг.]. Согласно их данным, на 1.01.1963 г. на балансе библиотеки числилась **5701** инвентаризированная рукопись на восточном языке, тогда как на 1.01.1989 г. – уже **11630** рукописей, занесенных в инвентарные книги и каталог. Если вычесть из этого числа 98 рукописей из т. н. фонда Готвальда, переданного в ОРПК из общего книжного фонда в 1975 г., то получается разница в **5831** рукопись. Это тот минимум¹, что поступил на хранение в ОРПК за указанный срок и был, так или иначе, задокументирован и, следовательно, доступен для изучения и использования учеными. Даже из этих данных, следует, что за 25 лет было собрано практически столько же рукописей, сколько хранилось в ОРПК до начала работы АЭ КГУ. На 1.01.1991 г. (последний год, за который сохранились данные отчетов ОРПК НБЛ в отношении количества восточных рукописей) насчитывалось уже **12372** рукописей [Отчет ОРПК НБЛ КГУ за 1936–1994 гг.]. Но, на самом деле, указанная цифра далеко не полная. Только к началу 2000-х гг. в ОРПК более 3000 рукописей оставались не инвентаризированными и не каталогизированными, т.е. вне статистики и вне доступа заинтересованным ученым. В течение 2000-х гг. было собрано еще несколько тысяч единиц, в том числе арабографические рукописи, старопечатные книги, образцы периодики и документы². Большая их часть так и осталась необработанной; в таком виде они хранятся в ОРПК НБЛ КГУ.

Безусловно, указанный рост численности восточных рукописей стал возможен не только благодаря усилиям членов АЭ КГУ, но и широкого круга заинтересованных лиц. Небольшая часть коллекции была куплена в букинистических магазинах. Но доля таких книг была незначительной. Помимо экспедиционного сбора, прирост стал результатом филантропических усилий отдельных энтузиастов и любителей; итогом просветительской и публикаторской деятельности ученых (например, публичных выступлений и публикаций в печати в первую очередь А.Г. Каримуллина, М.А. Усманова, А.С. Фатхиева и др., наиболее активных в 1960–1970-х гг.). После АЭ КГУ на местах часто оставались своего рода «агенты влияния», занимавшиеся сбором рукописей: «Надо отметить, что во многих местах, где побывали наши археографические экспедиции, остались энтузиасты по собиранию рукописей из местного населения, продолжающие постоянную работу по выявлению рукописей. Среди таких наших “внештатных” археографов-ак-

---

¹ Речь идет только о восточных рукописях. Тема старопечатных книг, документов и пр. выходит за пределы данного краткого обзора.

² По данным руководителя АЭ КГУ в 1990–2000-х гг. З.С. Миннуллина.

тивистов можно назвать Карима Канеева и Сабиру Касимовну Алимову из Астрахани, Бургена Низамова и Тауфика Вахитова из Буинского района Татарии и других. Такое привлечение общественности к археографической работе очень плодотворно и обещает хорошие результаты» [Отчет ОРРК НБЛ КГУ за 1969 год, с. 220]. В личном архиве М.А. Усманова сохранилась обширная переписка с некоторыми из таких «внештатных корреспондентов».

Экспедиционные дневники М.А. Усманова

М.А. Усманов не только стоял у истоков АЭ НБЛ КГУ, но в течение 1963–1989 гг. принимал непосредственное участие в полевой работе. Поскольку в некоторые года руководитель экспедиции предпринимал две и даже три поездки, в том числе и небольшими группами в 2–3 человека, а иногда и единолично, то общее количество экспедиций с его участием составляет тридцать пять. Все эти поездки отражены в дневниках, которые он вел в 1960–1980-х гг.

Всего в личном архиве ученого сохранились 24 блокнота-дневника разного формата, в которых были описаны цели и задачи каждой экспедиции, а также итоги их деятельности. В частности, в дневниках автор фиксировал состав участников, определял общий маршрут и конкретные пункты обследования, фиксировал уже обследованные населенные пункты и оставшиеся целевые точки, обозначал наиболее крупные и значимые находки, общее количество собранных рукописей и книг и пр. Если читать дневники внимательно и подробно, можно обнаружить различную информацию. Помещение ее в исторический контекст может дать совершенно неожиданный эффект при толковании различных сюжетов из истории татарской книжной традиции.

Помимо писем, в архиве ученого также сохранились копии официальных отчетов и обзор промежуточных итогов деятельности АЭ НБЛ за определенные годы, которые делались перед Ученым советом исторического факультета КГУ. Значительный фотоматериал, оставшийся от экспедиций, ценен при изучении таких аспектов истории АЭ КГУ, как состав участников, эволюция состава респондентов (хранителей рукописей и книг), объект собирания, повседневная жизнь членов экспедиции и условия бытования и пр. При изучении архивных фондов (прежде всего частных и личных архивов) важно не только то, что нам сообщают документы о том или ином историческом событии. Комплексное изучение частных архивов и частных библиотек может многое сказать об их собирателе, о внутреннем мире, мировоззрении владельца, в данном случае помогает полнее раскрыть творческую лабораторию ученого.

Следует сказать, что дневники составляют отдельный специальный вид исторических источников (их относят к группе т. н. *эго-документов*), близкий к таким жанрам, как мемуары, письма, автобиографии и пр. Все эти тексты между собой сильно взаимосвязаны и границы между ними довольно условны. Для автора мемуаров, написанных на основе дневников, учеными придуман специальный термин – *дневницист* [Михеев, 2007, с. 99]. Чаще всего наиболее интересны и содержательны именно такие мемуары, так как в них большое количество подробностей, которые неизбежно стираются из памяти по прошествии многих лет¹. Конечно, следует иметь в виду, что руководитель экспедиции много публиковался (одна из самых значительных работ на эту тему «*Каурый калгэм эзеннэн: археограф язмалары*» / «По следам рукописей: записки археографа», имела два издания – в 1984 и 1994 гг.) [Госманов, 1984, 1994]. Эти публикации также базировались на экспедиционных записях, хотя последние более лаконичны и тематически ограничены, нежели упомянутая монография.

Что такое дневник? Если коротко и упрощенно, то это любой текст, в котором записи отделены друг от друга – чаще всего временными датами. Согласно классическому определению, дневник – это периодически пополняемый текст, состоящий из фрагментов с указанной датой для каждой записи [Михеев, 2007, с. 11]. Дневники условно делят на два разряда. Относящиеся к первой группе ориентированы на описание конкретного человека, его сознания, самой сокровенной сущности его *Эго*. Это и позволяет включать дневники в группу *эго-документов*. Входящие во вторую группу дневники больше сосредоточены на фиксации уникального события или процесса, участником которого является автор. Описания путешествий и экспедиций, другие путевые дневники и журналы – относятся ко второму типу дневников [Михеев, 2007, с. 20].

Выделяют несколько важных функций, которые традиционно выполняют дневники [Михеев, 2007, с. 16]: (1) выполнение функции *культурной памяти*, т.е. дневник выступает как механизм сохранения следов о событиях индивидуальной жизни; (2) функция *завещания* с обращением к некоему понимающему читателю; (3) т. н. *релаксационно-терапевтическая* функция (т.е. для снятия эмоционального или нервного напряжения, чтобы «выговорится»); (4) *социализационная* функция: записывая и перечитывая свои записи автор лучше познает мотивы собственных поступков (считается, что ведение дневника концентрирует и ускоряет процесс извлечения опыта из «потока жизни»). Ученые отмечают также (5) *квазидialogическую* (беседа

---

¹ Когда отец работал над воспоминаниями о Хатипе Усмানে, он обращался к дневнику первой АЭ 1963 г. [Госманов М.А., 2008 б, 132–149 бб.].

с неким вымышленным собеседником), (6) *гигиеническую* и (7) *литературно-творческую* функции дневников, которые в контексте данной публикации имеют второстепенный характер.

Как классический эго-текст дневник, с одной стороны, имеет своим объектом особые жизненные обстоятельства автора, а с другой – это текст, написанный с субъективной авторской точки зрения, очень часто с *эгоцентрической* позиции. В отношении *эго-документов* (в частности дневников) в современной литературе также используется термин *пред-текст*, что означает, что дневниковая запись является неоконченным текстом, своего рода черновиком, к которому автор предполагает вернуться, переписать или дополнить. Считается, что дневник – это текст, который пишется не для публикации. Опубликованный дневник – это нарушение границы жанра. Тем не менее нередко потомки нарушают этот принцип и публикуют дневники, изначально для этого не предназначенные. Я тоже рискнула нарушить «чистоту жанра»: в двух номерах журнала «Безнең мирас» (2014, №№ 5–6) был опубликован дневник самой первой АЭ КГУ за 1963 г. [Госманов, 2014], который воспроизводится и в этом сборнике.

Дневники руководителя Археографических экспедиций М.А. Усманова не являются классическими дневниками с обширными текстами-рассуждениями, поскольку для адекватного описания событий и мыслей нужен значительный временной отступ. Экспедиционные дневники записывались, как правило, ежевечерне, а также в минуты случайной паузы или отдыха. Но в то же время это и не дневник в чистом виде, когда идет фиксация только текущих событий. Такой текст скорее следовало бы назвать «записными книжками». Какое отличие между дневником и записной книжкой? Как сказал один исследователь, «записные книжки полнее отражают внешние события жизни автора, тогда как дневник позволяет углубиться в его внутренний мир» [Михеев, 2007, с. 15].

Записи (= записные книжки), которые велись М.А. Усмановым, представляют собой некий симбиоз «полевых дневников», регулярной синхронизированной записи происходящих событий и текста с элементами саморефлексии и анализа. Если посмотреть на все дневники, которые велись руководителем экспедиции на протяжении четверти века, то мы увидим в них некоторую эволюцию от немного хаотичных и даже сумбурных «*подневных*» записей к кристаллизованной форме «полевого дневника», выступающего как важная часть экспедиционной деятельности.

Уже по ходу сбора рукописей, т.е. «в поле», происходила первоначальная обработка и обследование рукописей, краткое их описание, осуществляемое руководителем экспедиции. Поэтому в дневниках фиксировались многие колофонные записи, встречающиеся в рукописях, концевые и иные

пометки, данные, которые позволяют идентифицировать ту или иную рукопись. В дневниках, которые все велись на родном для ученого татарском языке, есть много арабографических вставок, имен и названий, эпиграфических данных, которые требуют большой работы по расшифровке, транскрибированию и научной атрибуции.

Источниковый потенциал экспедиционных дневников

Какого рода информацию можно еще извлечь из этих дневников? Позволяют ли они узнать нам нечто новое? Или же дают возможность взглянуть на старую проблему по-новому? Вот только некоторые предварительные наблюдения, которые можно сформулировать на начальном этапе изучения экспедиционных дневников М.А. Усманова.

(1) «Гибридное» историко-филологическое образование во многом определяло научные интересы ученого. Среди собранного он особенно отмечает литературные произведения, фольклорные произведения, наличие которых или отсутствие является одним из важнейших маркеров «образованности» и просвещенности населения того или иного региона. При некотором пренебрежении к религиозной, сугубо догматической или религиозно-правовой литературе (такие книги отбирались, как правило, если они были в хорошей сохранности, имели какие-либо колофонные или иные владельческие записи, представляли интерес с точки зрения каллиграфии и пр.), что соответствовало традиции 1960–1970-х гг., особое внимание уделялось народному творчеству и литературе. Наиболее хрестоматийный пример: изучение творчества поэтов Габдельджаббара Кандалий и Габдрахмана Утыз-Имяни. Именно экспедиционные находки и их публикация позволили существенно обогатить творчество этих поэтов. Например, издание стихов Г. Кандалий 1960 г. насчитывало 2500 строк, тогда как публикации 1988 г. – уже 8500 строк. Большая их часть была обнаружена во время поисков АЭ КГУ. Дневники помогают понять нам, когда эти поиски имели целенаправленный характер, а когда речь должна идти о неожиданной и от этого еще более приятной находке.

(2) Историческая, точнее даже источниковедческая, составляющая образования и научной деятельности также определяли преимущественный интерес ученого к документальным материалам, актовым документам (документы, связанные с имущественными отношениями, метрические книги и пр.). Эту часть находок он считал наиболее важной для развития исторической науки, для существенного прогресса татарского источниковедения [Усманов, 1997, с. 418–428]. Тем более, что в официальных государственных архивах подобного рода документов почти не было. Поэтому выявленные в ходе АЭ КГУ актовые документы (договора, наследственные документы,

купчих и письма) должны были пополнить источниковую базу татарских исследований арабграфическими материалами. Позднее М.А. Усманов стал предлагать своим студентам и аспирантам темы возможных научных исследований для реализации на основе обнаруженных во время экспедиций новых документов. Подводя итог находкам АЭ-1979 он, в частности, писал: *«Акт документларына киисәк, алар иң мөһим табышлардан исәпләнергә лаеклы. Бигрәк тә Шокүр авылында табылган документлардан торган бер дәфтәр аерата изътибарга лаек. Бу һәм башка документларны диплом эше язар өчен Жәүдәт Миңнуллинга бирергә исәп: бәлки егеткә “киләчәк өчен виза” булыр бу»* [Дневник АЭ-1979].

Источниковедческие пристрастия также проявлялись в особом внимании к колофонным записям (3), которые в обязательном порядке переписывались в дневники, затем анализировались, давая подчас богатый материал для публикаций (статья в сборнике в честь А.Р. Шихсаидова под названием «Книги-путешественницы») [Усманов, 2010, с. 273–279]. Колофонные записи рассматривались им как кладезь информации о характере и географии коммуникации внутри мусульманского мира.

Особая симпатия ученого была к т. н. тетрадам шакирдов медресе (*«шиәкерт дәфтәрләре»*) (4). Не случайно, во втором издании книги «Последним рукописей: записки археографа» им посвящен большой раздел [Усманов, 1994, с. 95–165]. Тетради шакирдов могли (хотя и не обязательно) содержать эксклюзивный материал, который было бы невозможно найти в другого рода рукописных текстах. Автор отмечает, что репертуар этих тетрадей необычайно разнообразен. В них можно найти буквально все: отрывки из литературных произведений, как известных и классических, так и порой принадлежащих анонимным авторам; стихотворения классиков восточной поэзии и собственные стихотворные описания и опыты самих шакирдов; списки книг, выступавших как учебники в медресе и мектебе; молитвы по разным поводам и случаям; байки, баиты, рассказы и сказки; образцы и черновики любовных писем или дружеских посланий и пр. При этом каждая такая тетрадь обладала своей особой индивидуальностью, была «штучным продуктом» (что выгодно отличало их от списков разных догматических сочинений, где «вольности» не допускались). Представляется, что при всей важности того анализа, который был произведен ученым в отношении этих «тетрадей шакирдов», их комплексное изучение еще предстоит. Наверное, самым важным является то, что этот источник позволяет заглянуть за кулисы жизни учащейся молодежи. В этих записях мы можем услышать голос самих шакирдов. Вероятно, с учетом современных историографических и источниковедческих тенденций можно поставить перед этим источником новые вопросы и получить иные ответы: каков был внутренний мир шакир-

дов татарских медресе; какова была коммуникация идей и степень мобильности самих учеников медресе и пр.

Одна из самых главных задач экспедиций виделась Усмановым в сохранении гибнущего в силу ряда обстоятельств книжного наследия (5). Из дневника в дневник красной нитью проходит мысль о том, что нужно торопиться со сбором рукописей: уходит поколение людей, способных оценить значимость арабографических рукописей и книг; старые книги и рукописи гибнут в силу естественных причин (пожары, недостойные условия хранения и пр.). Более того, в дневниках за разные годы неоднократно упоминались факты захоронений рукописей на кладбищах. Сейчас такие факты представляются необоснованным вандализмом, только если мы вырываем эти факты из исторического контекста и не учитываем ту атмосферу, которая господствовала в советскую эпоху вокруг исторического наследия прошлого. Если же принять во внимание, что в 1930-е гг. хранение арабографических книг могло стать основанием для ареста и лагерей, а в 1950–1960-е гг. поколение знающих арабскую графику людей уходило естественным образом, то можно понять логику такого поведения.

Поэтому, когда удавалось спасти такие обреченные на захоронение книги, радость членов экспедиций была особенной большой. В дневниках мы встречаем разные записи. Одни свидетельствовали о подобных счастливых моментах: «*Кайтышлы Кәрим абый Төхфәтуллин дигән кешегә кердек һәм, уйламаган җирдән, 10–11 кулъязма адык: бу кулъязма һәм тагын башка китапларны ике капчыкка тутырып, кичен күмәргә эзер торалар икән. Шулай итеп, без бу кулъязмаларны үлемнән коткардык*» [Дневник АЭ-1964-I]. Но гораздо чаще встречались иные записи: «...*Әпсәләмгә килен, шифер заводындагы кәгазьләр арасында гарәпчә китаплар булу-булмавын аныкладык. Хәзер юк. Элек булгалаган. Кулъязмалар да күп кылган. Шулай итеп, кемнәрдер әллә кайларда кулъязма эзиләр, ә монда аларны йөзәрләп яндырганнар... Чын-чынлап крематорий. Безнең түрәләр, киләчәктә монда китерелүче кулъязмаларны караячакбыз, фәлән-төгән дип йөриләр... Кем белә. Ә кәгазь эретү ходка салынган инде*» [Дневник АЭ-1963]; «*Монда да шул ук хәл – бик күп кулъязмаларны яндырганнар. (...) Авыр елларны Касыйм мулланың китапларын үз кулы белән яндырган бер картны күрдөк...*» [Дневник АЭ-1968-II]; «*Кичке якта мәрхүм Вәлит Алиевның кызына бардым: атасыннан калган язма әйберләр, документлар кайда булыр дип. Жавап кыска булды: аннан калган язучулар кемгә кирәк соң, яндырылган бугай... Шулай...*» [Дневник АЭ-1969]; «*Бернәрсә дә юк. Бер тел бистәсе абыйның әйтүенә караганда, Чернушкада Заготконторада¹ эшләгән чакта андый китаплар*

¹ Соликамская заготконтора (= Заготовительная контора), располагающаяся в г. Чернушка, Пермской области.

ны потлап-потлап яндырганнар» [Дневник АЭ-1974] и пр. Иногда жители, наученные горьким опытом репрессивной политики, старались уберечь свои сокровища от незнакомцев: «Бу авылда без йоклап торганчы, имештер, китаплар эҗыеп яндыручылар килган, диган хабәр таралып, иртәнге якта барлык эбиләр шәмаил-фәләһнәренә хәтле яшереп өлгергән булганнар» [Дневник АЭ-1968-I].

Это только некоторые наблюдения, почерпнутые при первоначальном знакомстве с текстами экспедиционных дневников М.А. Усманова.

В качестве приложения публикуются два материала. Во-первых, это авторское предисловие и экспедиционный дневник М.А. Усманова, который велся в период работы АЭ-1963. Этот текст отражает самое начало полувекковой истории АЭ КГУ: обстоятельства организации первой археографической экспедиции, предпринятой группой ученых осенью 1963 г. в Оренбургскую область. Дневник публиковался в журнале «Безнең мирас» [Госманов, 2014]; оригинал хранится в личном архиве автора. Второй материал представляет собой отчет, сделанный руководителем Археографической экспедиции КГУ М.А. Усмановым перед Ученым советом исторического факультета в 1970 г. и отражающий основные находки АЭ 1968–1970 гг., а также проблемы, стоящие перед казанской археографией. Машинописная копия отчета хранится в личном архиве автора. Оба документа подготовлены к печати Д.М. Усмановой.

Литература

- Вахидов С. Исследование ярлыка Сахиб-Гирей хана / С. Вахидов. – Казань, 1925.
- Госманов М.Г. Каурый каләм эзеннән: Археограф язмалары / М.Г. Госманов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 288 б. (Тулыландырылган икенче басма: Казан, 1994. – 463 б.)
- Госманов М.Г. С. Вахидинен игелекле мирасы / М.Г. Госманов // Үткәннән – киләчәккә. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 80–90 б.
- Госманов М.Г. Альберт Фәтхи турында истәлекләр [өзек] / М.Г. Госманов // Казан утлары. – 2007. – № 7. – 149–150 б.
- Госманов М.Г. Археографик экспедицияләр / М.Г. Госманов // Татар энциклопедиясе. – Т. 1. – А–В. – Казан, 2008а. – 205 б.
- Госманов М.Г. Остаз қайғысы (Хатып Госман турында) / М.Г. Госманов // Казан утлары, 2008б. – № 5. – 132–149 бб.
- Госманов М.Г. Археографик көндәлек // Безнең мирас. – 2014. – № 5. – Б. 20–28; № 6. – Б. 41–43 [расшифровка текста, публикация документа, предисловие Д.М. Усмановой].
- Дневник АЭ-1964-I. Личный архив автора.
- Дневник АЭ-1968-I. Личный архив автора.
- Дневник АЭ-1969. Личный архив автора.

- Дневник АЭ-1974. Личный архив автора.
Дневник АЭ-1979. Личный архив автора.
- Исламов Р.Ф.* Саид Вахиди / Р.Ф. Исламов // Восточные рукописи: современное состояние и перспективы изучения: материалы Круглого стола (Казань, 1 декабря 2011 г.). – Казань, 2011. – С. 226–228.
- Миннуллин З.С.* Об Археографической экспедиции Академии наук СССР 1934 года в Татарскую АССР / З.С. Миннуллин // Тюркоязычная книга: наследие веков: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной истории тюркоязычной книги (Казань, 17–18 октября 2012). – Казань, 2012. – С. 220–228.
- Михеев М.Ю.* Дневник как эго-документ (Россия XIX–XX вв.) / М.Ю. Михеев. – М.: Водолей, 2007.
- Научная библиотека Казанского университета в лицах. Ч. 1 Сотрудники библиотеки, 1806–2007 гг. – Казань, 2011.
- Отчеты ОРРК НБЛ КГУ за 1936–1991 гг. // ОРРК НБЛ КГУ.
- Усманов М.А.* Итоги и перспективы археографических работ в Казанском университете / М.А. Усманов // Материалы итоговой научной конференции КГУ за 1988 год: (Доклады на пленарных заседаниях). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990. – С. 3–20.
- Усманов М.А.* О «прямой» и «косвенной» информации археографических материалов (источниковедческие аспекты изучения старотатарских рукописей) / М.А. Усманов // У источника: сб. статей в честь члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова. – Ч. 2. – М., 1997. – С. 418–428.
- Усманов М.А.* Вахидов Саид Габдулмананович // Татарская энциклопедия. – Т. 1. А-В. – Казань, 2002. – С. 549.
- Усманов М.А.* Книги-путешественницы / М.А. Усманов; сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников // Дагестан и мусульманский Восток (Ислам в России и Евразии): сборник статей. – М., 2010. – С. 273–279.
- Усманов М.А.* Некоторые итоги и задачи Археографических экспедиций Казанского университета по выявлению восточных рукописей (1963–1982 гг.) / М.А. Усманов, Р.А. Шайхиев // Страницы истории Поволжья и Приуралья. – Казань, 1984. – С. 147–162.
- Усманова Д.М.* Миссия археографических экспедиций в сохранении и развитии традиций востоковедения и исламоведения в Казанском государственном университете / Д.М. Усманова; отв. ред. Д.В. Брилев // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сб. статей. – Казань, 2014. – С. 465–481.
- Фэтхи А.С.* Мәкаләләр һәм истәләкләр / А.С. Фэтхи. – Казан, 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Раздел 1. Личность в истории: научное и общественное наследие М.А. Усманова	7
<i>Кемпер М.</i> Рукописи, объединяющие Восток и Запад: М.А. Усманов и задачи востоковедения.....	7
<i>Усманова Д.М.</i> Экспедиционные дневники М.А. Усманова (1963–1988 гг.) как источник по истории восточной археографии	28
<i>Госманов М.Г.</i> Археографик кендәлек (Казан университеты археографик экспедицияләре турында материаллар).....	43
<i>Усманов М.А.</i> Отчет о работе археографических экспедиций за 1968–1970 годы	54
[Сибгат Хәкимнең Миркасыйм Госмановка хаты]	60
<i>Мустафина Д.А.</i> Вклад М.А. Усманова в основание и деятельность Археографической лаборатории Казанского университета.....	61
<i>Исламов Р.Ф.</i> Миркасыйм Госманов – әдәбият галиме.....	69
<i>Сабирзянов Г.С.</i> О роли М.А. Усманова в создании первой в истории «Татарской энциклопедии»	76
<i>Шайдуллин Р.В.</i> Роль М.А. Усманова в становлении и развитии современной татарской энциклопедистики.....	81
<i>Почекаев Р.Ю.</i> Значение трудов М.А. Усманова для изучения истории права среднеазиатских государств XVI – начала XX вв.: историография вопроса и перспективы дальнейших исследований.....	87
Раздел 2. Восточная археография в России и исламская книжная традиция	101
<i>Бобровников В.О.</i> К эпистемологии восточной археографии в Дагестане: от мусульманского краеведения к источниковедению	101
<i>Миңнуллин З.С.</i> Восточная археография в Казанском университете: страницы истории	113
<i>Арсланова А.А.</i> Персоязычные рукописи по фикху в собрании Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета.....	118
<i>Сайфетдинова Э.Г.</i> Литературные памятники золотоордынской эпохи как источники по истории духовной культуры татарского народа	130
<i>Калимуллина Ф.Г.</i> Из истории изучения источника о курдах – «Шараф-наме» (конец XVI в.)	133

<i>Сибгатуллина А.Т.</i> Портрет порочного суфия в литературе: сравнительный анализ произведений З. Хади и Я. Кадри Караосманоглу.....	143
<i>Оразаев Г.М.</i> Арабографические книги дагестанских авторов, изданные на тюркских языках вне пределов Дагестана – в России и за рубежом (XIX – начало XX вв.)	155
<i>Мишкинене Г.</i> Книжная традиция литовских татар в контексте культурных взаимосвязей польско-литовских и волго-уральских татар ...	166

Раздел 3. Ислам в средневековье и новое время: проблемы источниковедения тюрко-татарских государственных образований..... 177

<i>Карлсон Ч.</i> Записки ранних западных путешественников о Волжской Булгарии.....	177
<i>Фодор И.</i> Судьба восточных венгров после монгольского нашествия.....	185
<i>Крамаровский М.Г.</i> Крым и Рум во второй половине XIII–XIV вв.	192
<i>Зайнуddинов Д.Р.</i> Сведения о Чингиз-хане и некоторых золотоордынских ханах в биографическом словаре ас-Сафади Салах ад-дина Халила (ум. 764 г.х. / 1363).....	198
<i>Недашковский Л.Ф.</i> Изучение города и древностей Золотой Орды	213
<i>Измайлов И.Л.</i> Распад Улуса Джучи и элементы этнополитического единства тюрко-татарских государств Северной Евразии	220
<i>Миргалеев И.М.</i> Золотоордынский богослов Абу Бакр Каландар.....	241
<i>Лушиников О.В.</i> Этнокультурные последствия формирования и распада Монгольской империи и улуса	243
<i>Хорошкевич А.Л.</i> Роль татарского населения в землеустроительных работах в Арзамасском уезде конца XVI в.	254
<i>Сафаров Р.Ф.</i> О роли тюрок в расширении мусульманского ареала.....	261

Раздел 4. Татарская богословская мысль и мусульманские духовные и политические институты в истории России..... 272

<i>Фархиатов М.Н.</i> Оренбургское магометанское духовное собрание и журналы его присутствия как источник по истории мусульман Российской империи. Публикация первоисточников – одно из важных направлений развития современной российской исторической науки.....	272
<i>Загидуллин И.К.</i> О численности ваисовцев в последней четверти XIX в.....	284
<i>Салахова Э.К.</i> Метрические книги как источник знаний о татарском обществе XIX – начала XX в.	294

<i>Ахсанов К.Г.</i> Фатых Карими и младотурки.....	300
<i>Гилязов И.А.</i> «Священная война – джихад» как инструмент военно-политической стратегии Германии в годы Первой мировой войны	310
<i>Ноак К.</i> Трансформация российского мусульманского движения в 1917–1920-х гг.: фокус западной историографии.....	321
<i>Тюркоглу И.</i> Татары в Японии: Хасан Фехми и Габдерашит Ибрагимов.....	332
<i>Вильданова Р.К.</i> Изучение наследия региональных лидеров как вклад в развитие исторической памяти татарского народа (на примере Закира Кадыри).....	338
<i>Сафиуллина-Аль Анси Р.Р.</i> Татарское богословское наследие и письменная традиция в контексте образовательной и музейной деятельности.....	346
Аннотации	356
Abstracts	371
Кыскача аңлатма.....	384
<i>Усманова Д.М., Мустафина Д.А.</i> Обзор работы международной научной конференции «Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения. К 80-летию профессора М.А. Усманова»	398
Авторы	417

CONTENT

Preface.....	5
Section I: A personality in history: Mirkasym A. Usmanov's scholarly and social legacy	7
<i>Michael Kemper</i> , Manuscripts uniting East and West: Mirkasym Usmanov and the purposes of Oriental studies.....	7
<i>Dilbara Usmanova</i> , M.A. Usmanov's expedition diaries (1963–1988) as a source for the history of Oriental archeography	28
<i>Mirkasym G. Gosmanov</i> , The diary of the first archeographic expedition (1963).....	43
<i>Mirkasym A. Usmanov</i> , Report about the work of the archeographic expeditions of 1968–1970.....	54
Sibgat Khakim's Letter	60
<i>Dina Mustafina</i> , M.A. Usmanov's role in the establishment and work of the archeographic laboratory	61
<i>Ramil' Islamov</i> , Mirkasym Usmanov as a scholar of Tatar literature	69
<i>Gumer Sabirzianov</i> , M.A. Usmanov's role in the establishment of the first "Tatar Encyclopedia"	76
<i>Rafael' Shaidullin</i> , M.A. Usmanov's role in the establishment and development of the modern Tatar encyclopedia	81
<i>Roman Pochekaev</i> , M.A. Usmanov's work on the history of Golden Horde law applied in the study of the Central Asian states of the 16 th to early 20 th centuries: historiography and perspectives	87
Section II. Oriental archeography in Russia and the Muslim book tradition	101
<i>Vladimir Bobrovnikov</i> , On the epistemology of Oriental archeography in Daghestan: from Muslim local studies (kraevedenie) to source studies.....	101
<i>Zavdat Minnullin</i> , The KGU archeographic expedition, 1990–2000: the current state of Oriental manuscript expeditions at Kazan University	113
<i>Alsu Arslanova</i> , Persian manuscripts on Islamic law in the Lobachevsky Library of Kazan Federal University	118
<i>El'mira Saifetdinova</i> , Literary monuments of the Golden Horde period as sources for the history of Tatar spiritual culture	130
<i>Firdaus Kalimullina</i> , The history of research on the Kurdish Sharaf-Name (late 16 th century)	133

<i>Alfina Sibgatullina</i> , The image of the vicious Sufi in literature: a comparative analysis of works by Zakir Khadi and Yakup Kadri Karaosmanoglu	143
<i>Gasan Orazhev</i> , Arabic-script books of Daghestani authors published in Turkic languages outside of Daghestan – in Russia and abroad (19 th and early 20 th centuries).....	155
<i>Galina Mishkinine</i> , The book culture of the Lithuanian Tatars in the context of cultural relations between Polish-Lithuanian Tatars and the Tatars of the Volga-Urals	166
Section III. Islam in the medieval period and the modern era:	
source studies related to Turko-Tatar states	177
<i>Charles F. Carlson</i> , Early Western Travelers through Volga Bulgaria	177
<i>Istvan Fodor</i> , The fate of the Eastern Hungarians after the Mongol attack	185
<i>Mark Kramarovskii</i> , The Crimea and Rum in the second half of the 13 th and in the 14 th centuries	192
<i>Damirzhan Zainuddinov</i> , Testimonies about Chingiz-Khan and some Golden Horde khans in the biographic dictionary of al-Safadi (d. 764/1363)..	198
<i>Leonard Nedashkovskii</i> , The study of Golden Horde cities and antiquities.....	213
<i>Iskander Izmailov</i> , The dissolution of the Golden Horde and the ethno-political unity of the Turko-Tatar states of Northern Eurasia	220
<i>Il'nur Mirgaleev</i> , Abu Bakr Qalandar, a theologian of the Golden Horde period	241
<i>Oleg Lushnikov</i> , Ethno-cultural consequences of the establishment and disintegration of the Mongol Empire and the Ulus Juchi	243
<i>Anna Khoroshkevich</i> , Tatars drafted for ground work in the Arzamas district in the late 16 th century.	254
<i>Rafik Safurov</i> , The role of the Turks in expanding the Muslim territory	261
Section IV. Tatar theological thought and Muslim religious and political institutions in Russia's history	
<i>Marsil Farkhshatov</i> , The Orenburg Muslim Ecclesiastical Assembly and the journals of its sessions as a source for the history of the Russian Empire's Muslims	272
<i>Il'dus Zagidullin</i> , The Vaisov movement in the late nineteenth century: A quantitative investigation	284
<i>El'mira Salakhova</i> , Parish registers as a source on Tatar society in the 19 th and early 20 th centuries.....	294
<i>Kamil' Akhsanov</i> , Fatih Kerimi and the Young Turks.....	300

<i>Iskander Giliazov</i> , “Holy War” and jihad as part of the German military and political strategy during the First World War	310
<i>Christian Noack</i> , Western scholarship of the 1930s to 1960s on the transformation of the All-Russian Muslim movement (1917–1920s)	321
<i>Ismail Türkoglu</i> , Two Tatars in Japan: Hasan Fehmi and Gabderrashid Ibrahimov	332
<i>Ramzija Vil’danova</i> , Zakir Kadyri: The heritage of regional leaders and the historical memory of the Tatar nation	338
<i>Rezeda Safiullina Al-Ansi</i> , The Tatar theological heritage and literary tradition in the context of educational and museum work	346
Abstracts	356
<i>Diliara Usmanova, Dina Mustafina</i> , Report on the international conference “The Turko-Muslim World: Identity, Legacy and Research Perspectives. In Honor of Professor M.A. Usmanov” (27 th –29 th May 2014)	398
Authors	417

**ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР:
ИДЕНТИЧНОСТЬ, НАСЛЕДИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Сборник статей

Корректоры *Е.А. Волошина, А.Х. Яфизова*

Компьютерная верстка *А.И. Галиуллиной*

Дизайн обложки *М.А. Ахметова*

Подписано в печать 19.10.2015.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 ^{1/16}. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 24,9.

Уч.-изд. л. 26,2. Тираж 200 экз. Заказ 136/6.

Отпечатано в типографии

Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28